

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1.

Все 2000 человек, с которыми прибыл из Котласа, были уже отправлены, а я оставался все еще на пересылке, что меня очень беспокоило, так как я не знал причины, почему меня не отправляют. В конце мая я был вызван на этап. Оказалось, что когда из лесного отделения создавался "Устьвымлаг", нужны были разные специальности в аппарат лагеря и участков. Вольнонаемного аппарата не было совершенно и необходимое количество набиралось из заключенных "Устьвымлага".

Проезжая через Княж-Погост в Вожаель / пункт Устьвымлага / представитель планового отдела лагеря отобрал на пересылке группу людей плановиков, нормировщиков, бухгалтеров, но т.к. у меня в деле значилось, что я экономист, я и попал в число отобранных, так независимо от меня я в первое время и не попал на "общие работы", а попал на работу по специальности. Отобранных вместе со штрафниками из центрального изолятора, всего в количестве 37 человек отправили из Княж-погоста в Устьвымлаг. Везли нас до станции Весляна / условный в то время / по железной дороге еще только строящейся. По пути мы не раз поднимали сошедшие с рельс вагоны. От станции Весляны до "Устьвымлага" шли пешком какими-то узкими таежными тропами; В пути один из заключенных отобранный бухгалтер упал и не мог следовать, с ним остался стрелок, на другой день он был доставлен на лагучасток мертвым.

Наш этап прибыл на восьмой лагпункт. Устьвымлаг — это был мой первый лагпункт. За наименованием места нас разместили прямо на улице на территории лагпункта. Я после тяжелой дороги уснул поднеув под голову свой мешочек / с кое-какими вещичками и кирзовые сапоги /. Когда я проснулся, то увидел, что ^{на}рядом со мной лежавшем парне ~~верхом~~ сидит верхом какая-то девка. С этапа л/п в нашем этапе женщины не было, я был удивлен столь быстрому знакомству, но когда хотел обуться и полез за сапогами под голову, то их уже не было.

Таким в первые часы жизни предстал передо мной лагерь. Помещен я был в палатку, не имея никакой постельной принадлежности. Первое время, дней десять меня гоняли на работу пилить лес. Со мной на пару работал какой-то молодой парень — вор. Он все время говорил мне, как ловичку, что работать надо меньше, такой работой в лагере не проживешь, лучше воровать и просил меня помогать ему в этом. Нормы с ним не выполняли и нам давали штрафной паек / триста грамм хлеба и немного баланды /. На работе, еще в Княж-погосте я растянул сухо-

жилие ступней ног. Но от работы меня не освобождали и я часто, возвращаясь из леса по ног идти нормально и был вынужден идти на коленях и руках. Такое состояние, плюс голодный паек сильно меня мучало и я уже считал, что я в ближайшее время погибну; Не знал еще лагерной жизни я поворно выполнял, что меня заставляли, не ища выхода и не предпринимая ничего, кроме того как я уже сказал, что я считал, что все равно возврата нет, считая, что 20 лет этой жизни невозможно вынести, позабыв даже, что кто-то меня отобрал для работы по специальности.

В середине июня на лагпункт пришел начальник учетного отдела отделения планового отдела лагеря Ончул Степан Григорьевич, который имел со мной беседу. Он интересовался, за что осужден, где работал до ареста, какой срок и кое что еще. В заключение он сказал: что мне в аппарате планового отдела лагеря работать невозможно, велик срок, т.е. меня не расконвоируют, что уже коли мы вас отбрали, пошлем на какой-либо д/п начальником планового отдела, а до того, когда такая возможность будет меня в качестве практиканта назначили в плановую часть 8-го д/п. Ончул, как я же потом ближе с ним познакомился, был с Украины, экономист с высшим образованием, очень хороший, добрый, душевный человек, много сделавший мне добра. Он был из лиц, которых выслали в лагерь на работу в аппарат, не применяя ареста / как бы ссылке без приговора /. Он был исключен из КПСС, вообще он из политически "неблагонадежных": во время войны он был взят в армию и как "неблагонадежный" направлен в какой-то тыловой рабочий батальон, где он умер.

В плановой части 8-го д/п я работал на учете. Получал паек хоз.обслуги, т.е. 600 гр. хлеба и плохой котел. Этот паек по содержанию был голодный. Прем-вознаграждение в месяц было 25 рублей, кроме того, в питании мне помогали немного работники планового отдела - это было уже в лагерном положении не плохо...

Начальником планового отдела 8-го д/п был Кононов Алексей Николаевич - на свободе он был плановиком Зуево-Ореховской торговой базы потребкооперации; У нас с ним оказалась кое-что общее и кое-кто из общих знакомых / когда я работал в Овчинине в сельно, я покупал на этой базе товары /. Он имел срок 10 лет. Осужден за "контрреволюцию". Он мне говорил, что если просидишь в лагере год и не умрешь, то срок отбудешь... В общем он перевернул мое состояние с упадочного до ободряющего и надежного, т.е. морально поддержал меня, что очень важно для начала в лагере. Он был очень спокойный, тактичный и высокой души человек.

Нормировщиком был Славущий Наум Исавич, еврей по национальности.

До ареста был в армии командиром топографического завода, окончивший строительный институт, срок имел три года. Осужден был за "контрреволюцию" / что-то не так сказал /. После освобождения работал в Управлении лагеря начальником отдела труда и зарплаты. Знал меня с 8-го л/п и все прошлое до ареста, он на протяжении всего моего пребывания в Устьвымлаге оказывал мне большую помощь в смысле предоставления работы и иногда и материально. На работе в плановом отделе 8-го л/п я проработал до августа, и был назначен начальником плановой части 3-го л/п и был отправлен на этап. Этот лагпункт был обшлагерным штрафным, где было штрафников не более 20% главным образом на вспомогательных работах и обслуге. Данный л/п был расположен на реке Коин, это в 30 километрах от её впадения в реку Вынь. Место это было - глухая тайга, летом доступна только пешеходу, а зимой, когда промерзали таежные болота, можно было проехать на лошади. Расстояние его от 8-го л/п - 60 километров исключительно таежной тропой, т.е. без единого населенного пункта из местного населения, на пути был только 7-й л/п. Время в пути пришлось два дня. Вторую половину дороги я шел без обуви, обмотав ноги только портянками, т.к мои ланты развалились и я пришел на место с израненными ногами - тропа в тайге была не натоптанной, с изобилием корней и валежника.

Считаю необходимым остановиться на одном эпизоде, который связан с последующим событием:

На 7-м л/п наш этап разделился на две части, на 3-й л/п направлялось 9 человек, в том числе был один заключенный Корзинкин штрафник-бандит, имеющий уже девятую судимость, в т.ч. две за убийство, - ему не хотелось идти на штрафной и он всячески пытался избежать наказания от него. Он заявил начальнику конвоя сержанту Новикову, ~~хитроумно~~ что он идти не может /"болею"/ - был вызван мед. работник который сказал, что здоров и следовать может. Начальник конвоя наци подойдя к нему приказал ему подняться и следовать, он не подчинился и, не вставал, посылая его при этом туда куда не пойдешь, тогда начальник конвоя вынул "наган" и угрожая им требовал подняться. Тогда Корзинкин вскочил, схватил лежащий на земле конец доски, ударил им по рукам начальника конвоя и вышиб из его рук "наган". Тогда стоящий рядом стрелок начал стрелять из винтовки. Меня спасло от пуль только то, что я спрятался за толстый пенёк лиственницы. После этого Корзинкин подчинился и мы пошли....

П.

Начальником 3-го л/п был капитан Госбезопасности Медведев.

Это был человек с большими странностями и жестокий садист. Он жил без семьи, хотя имел четверых детей и жену, котрым платил алименты. Ни какой своей канцелярии он на л/п не имел, никакого занятия по приему заключенных или с аппаратом он не вел, все это у него было на квартире, которая была за зоной. И по делам производства вечером, когда нужно, ходил к роботу. Обстановка в его небольшой комнатке стоял один жесткий диванчик, на котором он и спал, не было постели, прямо в мундире. Против диванчика стоял стол, который ни-когда не убирался. На нем было что угодно, вплоть до давно испортившихся остатков пищи. Все важные дела или приходящие по делам л/п стояли, ни какого разговора, кроме вопросов и ответов коучке по делу, не было. Ежедневный отчет о производственной деятельности, который я ему давал на подпись, он никогда не читал. Каждый день он тратил по несколько часов, стоя на вышке и смотрел: кто зашел в жен.блок - тот записывался им в блок-нот и наказывался. Он очень добивался, что-нибудь замарать и обязательно находил, изолятор л/п был никак никак переполнен. Любил он по вечерам выстраивать заключенных, обязательно со всякого рода придумками, говорил при этом: "Ваша карта бита, вам возврата не будет."

В целях любой ценой дать работу з/к с появлением первого снега т.е. первого санного пути был принят такой метод заготовки леса: вблизи береговую рубку на расстоянии до одного километра от р. Когла, а вывозку производили вместо лошадей непосредственно на людях, т.е. на заключенных. Для этой цели приспособили так называемые "финские подсанки", к которым привязывались две веревки и с "хомутами", т.е. на другом конце веревки была такая петля, которая обшивалась досками старой ватной одежды. В эти "хомуты" надевая их через плечо "пригались" два человека и тянули подсанки с нагруженным лесом. Таким способом в течении первых месяцев зимы было вывезено до 5000 м³ древесины, о результате такого "мероприятия" я и говорю далее....

Он совершенно не беспокоился о бытовом положении заключенных, в результате чего было очень плохое питание, бараки ночью не освещались, была очень плохая баня и совершенно отсутствовала дезинфекция, в результате чего у заключенных, в том числе и у меня, была большая вспышка, бараки были заражены массой клопов.

В результате такого состояния с осени 1938 года по февраль 1939 года из среднесписочного количества заключенных на л/п 550 человек - умерло 305. Умирала целыми бригадами, умерла бригада Огурцова во главе с ним. Она работала на лесоповале, после чего на л/п, если кто умирал

^{1/2} "финские подсанки" - двух-полозные сани длиной два метра с одной поперечной между полозьями на их середине.

или был накануне, говорили: "ушел в бригаду Огурцова", или "собирается в бригаду Огурцова". Осенью 1938 года произошел очень жуткий эпизод. Командиром взвода охраны был Невский. Он жил только с женой и имел маленькую собачку. И как то случайно эта собачка внезапно забежала в зону и по "законам" лагерного голода, всякая забавшая живность, если она попала на глаза - подлежала съедению. Такой участи подверглась и собачка Невского. Кто то об этом сообщил Невскому, и когда уже убитую пять человек разделяли в одном строящемся бараке, он подошел к проему окна и выстрелил в них, и убил одного молодого паренька наповал. Этот случай кем то из заключенных был доведен до сведения вышестоящих властей, приехала какая то жилищная комиссия, выкопала его труп, обследовала и составила акт, что он умер от "разрыва сердца" в результате испуга. На этом дело и кончилось.

Моя личная работа и жизнь проходила так: питания по объему мне хватало, физического голода я не испытывал. Прем. вознаграждение я получал 70 рублей в месяц, но совершенно не употреблял никаких овощей, фруктов ни в каком виде, картофеля, молока, яиц, белого хлеба, питание состояло: крупы: ячменной сечки, овсянки, чечевицы; рыба только соленая треска; жиры: только растительные; мясо было от бракованных лошадей, которые уже не могли работать на вывозке леса, а т.к. их эксплуатация была безжалостно-варварская, то их даже не поедали, т.к. норму "не нарушали", а она была не более 100 грамм в неделю, остальных лошадей доедали вохровские собаки.

В плановой части жилищки со мной начала работать статистиком девушка Зина Николаева, имела 10 лет по формулировке П.Р.Д. /Преступная деятельность /. Существо её преступления сводилось к тому, что она жила в Москве без прописки, и не работала и все... Она весной 1939 года была освобождена с такой формулировкой, "ограничиться отбитым сроком". Она работала хорошо и усердно. Нормировщиком - Генералов Григорий Владимирович, имел 8 лет за "контрреволюцию", из Смоленской области. Был учителем, не поладила жизнь с женой, отчего начал пить, за что из учителей был уволен и работал счетоводом в колхозе. Осужден особым совещанием, в постановлении значилось? "пьянствовал потому, что ненавидел Советскую власть". С работой он справлялся, вообще с работой было все нормально.

Осенью, т.е. через полгода, как я попал в лагерь, я получил на этом л/пункте первое письмо от сестры Пани и затем через несколько дней от Александры Михайловны. В них сообщалось о смерти Зои. Когда я его прочитал в бараке вскрикнул "убили сволочи"!... Это событие настолько поразило меня, что я не менее двух недель почти не ел даже сильно ослаб и очень плохо себя чувствовал.

Привычка её смерти было — это мое заключение, которое она очень сильно восприняла и подливалось, т.е. она меня очень любила и была ко мне очень приваивана потому, что я очень много уделял внимания ей по всем вопросам её воспитания. Я её любил, как говорят, она была "Бабушка-девка". Когда она была привезена в Емлинскую больницу / где она и умерла /, то врач сказала, что безсилы помочь ей, потому, что причиной её болезни какое-то тяжелое, душевное потрясение, она умирала у кровати Ионы на руках в крики "Где мой папа!?, дайте мне папу!...". Это описание в письме её смерти особенно тяжело потрясло меня. Да! Она именно была убита моим арестом, именно её убили те, кто отнял меня от неё, отнял и оклеветал, без какого-либо не только морального, но даже юридического права. За что? в её восемь лет выпали такие тяжелые страдания и такая мучительная смерть. Почему?, и по какому праву она стала мученицей и отдала свою жизнь?... Да! Это только следствие того безудержного произвола безнаказанно действующих, пользующихся высокой властью людей, потерявших не только свое партийное лицо, но даже и минимальнейшее человеческое достоинство и превратившихся, по существу своему, в кровавую палачей своего народа, но пада даже детей.....

В декабре Медведев с нашего л/п был переведен. На его место был назначен Герасимов Н. Он бывший директор какой-то обувной фабрики на под Москву. У него без исключения из партии был взят за что-то партбилет, и он был направлен на работу в лагерную систему. Жена его была мед. работником, стала на л/п начальником сан. части. Герасимов был полная противоположность Медведеву во всех отношениях. Его отношение к заключенным было как к рабочим завода. Улучшилось питание, организована дезинфекция, ликвидировалась вшивость. Он так то тяготился своей должностью. Ночью под Новый год 1939, он меня вызвал к нему на квартиру. Я явился. Сначала он спросил кое-что о производстве, а затем сказал, что ему не с кем встретить Новый год, ему скучно, и что он меня специально за этим и пригласил. Я был очень удивлен таким его поведением, но затем осмелев и мы с ним не по лагерному встретили Новый год и как теперь говорят: "Заседа протекала в неприкученной обстановке"... Он вынул мне написать жалобу / вник я не верил /, помог мне её отредактировать, дал хорошую характеристику. Жалоба была послана, а месяца через четыре получен отрицательный ответ. Герасимов проработал не более пяти месяцев и был уволен. Он уехал опять под Москву. На должность начальника л/п был назначен Минаков. Он только что освобожден из заключения. Сидел года два за то, что будучи помощником начальника тюрьмы в Краснодаре "превышал власть". Это был человек малограмотный, ограниченный и жестокий. ✎

Он допускал такие действия: после развода на работу он ходил по баракам и все кто по каким либо причинам / кроме больных, освобожденных врачом / не вышел на работу и находился на нарах, в особенности верхних, он брал за ноги и скидывал на пол. В одну из таких "дтераций" заключенные возмутились и вступили с ним в единоборство, в результате вход пошли кирпичи и доски. Один из кирпичей угодила ему в голову. После этого Минаков приказал выставить рамы в этом бараке и оставшихся заключенных, при помощи пожарной охраны облили водой, но т.к. это было зимой при морозе 25°, то они все обледенели и кое-кто из них сильно пошатился своим здоровьем.

Он не вмешивался в работу хоз. части, сан. части, бухгалтерии и планового отдела, он только "жал" на режим и график, заготовок леса. Все бытовые условия зависели от аппарата, ~~какой~~ который был из заключенных. Он же в данный период подобрался деловой и на лаг. пункте бытовые условия и питание были терпимы, но только по-прежнему нас изнуряли клопы в бараках, их настолько было много, что летом 1939 года уснуть было невозможно, люди уходили спать на улицу, но там донымала мошкара и комары, да и клопы, когда люди уходили на улицу, следовали за ними.

Самое ужасное несчастье, которое обрушилось на заключенных с весны 1939 года, это болезнь - "цинга", ею болело не менее 200 человек из 600 списочного состава. Это была ужасная картина, эти люди не могли ходить, у них были сведенные ноги и они ползали по зоне / их в стационар не ложили /, или валялись на нарах, они были в язвах, т.е. на живом человеке местами на теле разрушалась ткань и отпадала у всех вываливались зубы, гнили доски, вообще они выглядели заживо-гниющими людьми. Много было и смертных исходов. Я лично болел цингой, но в легкой форме, мне помогла присылка сестрой Паней витамина "С" в таблетках.

Моим хорошим другом был Недра Ян Янович - латыш, имел восемь лет за принадлежность к Латышскому клубу в Москве / тоже контрреволюция /. До ареста занимал должность начальника сектора Суши Глав-Сев-мор-пути, аспирант с/хозяйственных наук, коммунист с первых дней революции, участник Гражданской войны. Очень интересный, грамотный, выдержанный и культурный человек, прекрасный товарищ. Он был бригадиром, а затем десятником, но по указанию "опера" был переведен на 1-й л/п исключительно на общие работы, был возчиком леса - он умер в 1942 году.

В связи со строительством ледяной автомобильной дороги

для вывозки леса на расстоянии 31 километра по тайге до л/п, плановую часть летом перевели с головного л/п на подкомандировку ~~это~~ в восьми километрах от головного ниже по течению реки Коин. Статистиком у меня в то время был Соловей - еврей, студент 3-го курса литературного института, любил писать стихи, даже письма домой писал стихами. Он был из штрафников, отрубил себе на левой руке два пальца, был признан членовредителем. Его я взял к себе не спрашивая Минакова, потому что он его презирал и почти непрерывно держал в изоляторе, который в конечном счете лишил бы его жжж жизни. Как то раз Минаков зашел в плановую часть / она была в отдельной кабинке / без меня, увидев его, выгнал со словами: "как ты попал сюда?", но я его все же не отпустил, так он у меня и работал до эта-ва. Он был осужден как "контрреволюционер" / член какой-то студенческой контр.рев. организации /, имел 10 лет. В постановлении ОСО говорится: "сидел на диване, читал книжку "Вопросы Ленинизма", потом бросил её небрежно".... Был он из хорошей семьи. Его отец был директором какой-то фабрики, брат летчик, сестра врач. Сам он был очень грамотный, культурный человек и прекрасный товарищ).

На подкомандировке я встретился и мы стали хорошими друзьями с Сердюковым П.И. Он был инспектор КВЧ, белорусс, был секретарем Райкома одного из районов Белоруссии. Сначала был осужден к 10 годам как "контрреволюционер", затем дело было пересмотрено и ему дали шесть лет "за халатность", повлекшую тяжелые последствия". Он был хорошо образован, тактичный и очень добросовестный и чисто-сердечный человек. Нормировщик был Скворцов, это бывший лесничий, уроженец Хабаровска, отсидевший с 1929 по 1937 годы - 8 лет, а затем был начальником мех. лесопункта в Ло^кч^ем-лаге и снова был арестован и приговорен к 15 годам и это все "за контрреволюцию". В последнем приговоре у него значилось, что он "сопоставлял пролетарского поэта Маяковского, некоему буржуазному поэту"... Это было так, что он в одной из бесед похвалил Пушкина, он был интересно-грамотный человек, знавший много о Японии, т.к. он долгое время занимался вопросом сдачи Японии в концессии лесозаготовок.

В ноябре на подкомандировку прибыл этап. Это был необычный этап. Он состоял из крупно ответственных лиц, направлялся в Воркуту, через Котлас - Архангельск морем, но опоздал - Северная Двина замерзла и их вместо Воркуты направили часть в Устьвымлаг. В числе этого этапа были такие лица, как работники НКВД по Гулагу как-то: начальники-дин.части, сан-части, опер-чека отдела и ВОХР- они были арестованы по делу Ежова, который их завербовал "в контрреволюц. организацию по ^{переброске} ~~требованию~~ Советско-партийных кадров".

Они были на очной ставке с Ежовым и рассказывали, что Ежов выглядел очень плохо, его пытали и били. В числе этого этапа оказался человек из Иванова. Когда я узнал об этом, пошел в барак отыскать его. Когда я вошел в барак / барак освещался маленькой контилкой / и спросил: "кто из Иванова?".... На нижних нарах поднялся человек, он спал не раздевшись в ботинках, телогрейке и буденовке, покрывшись бушлатом / раздеваться было нельзя, потому, что к утру одежды могло не быть, её воровали ночью, да и к тому же в бараке было холодно / Он очень плохо выглядел, был страшно истощен, изнурен, говорил едва слышным тихим голосом, работал он на л/п в лесу на навалке леса на сани при конной вывозке / навальщиком /. Он не хотел со мной разговаривать до тех пор, когда сам от меня не узнал, кто я такой. У нас состоялся такой разговор:

- Как моя фамилия?
- Власов В.Г.
- Кем я работаю?
- Начальником плановой части л/п
- От куда я?
- из Кадья, Ивановской области
- Вы тот Власов, которого судили по Кадыйскому процессу и приговорили к расстрелу?
- Да! Я тот самый Власов
- Не может быть! Я хорошо знаю, что Власов расстрелян
- Почему Вы так уверяете?
- Я ведь член Ивановского Обкома КПСС и на одном из Пленумов нам докладывали, что всех Кадыйских "вредителей расстреляли!"
- Но Вы, ведь видите, что я не призрак, а живой человек...
- Да! Вы живой человек, но вы не Власов, Вы только себя выдаете за него, пользуясь тем, что он расстрелян - Вы не скрывайте от меня. Я Вас не выдам. Я человек, который не может этого сделать.
- Я не знаю пока, кто Вы?, но я Вас уверяю, что я тот самый Власов. Ну, хорошо! Давайте будем откровенны во всем...
- Хорошо. Кто же Вы?
- Я бывший директор Ивановского текстильного института, член КПСС с 1918 года, имею срок 8 лет, осужден особым совещанием....

Так как, было поздно, я сказал ему, чтобы он завтра пришел ко мне в плановую часть.

Так оно и было: он пришел, тут от него я узнал подробности его судьбы. Он сын рабочего художника Красносельской текстильной фабрики. До революции окончил Московский университет имени Шеняева по физкультуре по физмату в годы Гражданской войны, был на фронте начальником штаба полка. При Советской власти окончил текстильный институт. В 1930 году был директором Вичужского текстильного комбината. Затем был командирован за границу в научную командировку: был в Германии, Англии и больше всего / шесть месяцев / в США. По возвращению был назначен директором Научно-исследовательского Иванковского текстильного института, затем начальником Главка текстильной промышленности при Нарком-^{лег}-проме / с этой должности и был арестован /. Награжден несколькими орденами в Гражданскую войну. В 1936 году орденом "Ленина", ученый, имеющий несколько патентов по изобретениям, последнее время работал над вопросом "удаления статического электричества при ткачестве".

Видя, что он находится в состоянии, за которым при его работе через небольшой срок неизбежно последует смерть, / я уже за полтора года в лагере изучил это положение /. Я решил любой ценой спасти этого большого и нужного человека для науки и для нашей партии / что я много делал и по отношению других подобных людей, имея к этому возможность / но, очень странно, я очень долго его в этом убеждал, он ни как не мог понять, что я как заключенный могу что-то сделать, только нужно не падать духом и надеяться. Но он считал, что все равно из этой обстановки возврата нет.

Первое, что я ему предложил, это не стараться на навалке зарабатывать "горбушку", её я ему обеспечу, тут на первое время он ни как не понимал, как это можно?, думал, что я должен совершить какое-то преступление, за которое буду наказан. Затем через несколько дней я "изъял" его из бригады по навалке леса и дал ему писать бумаги, а затем он стал нормировщиком.

История его ареста; суда и заключение - очень интересна. Его арест и следствие производился Ивановским Обл. НКВД. Сразу, его первый следователь знакомый ему, предъявил ему несколько пунктов обвинения в "контрреволюции" и просил его их подписать, говоря при этом что поедет в Москву в ОСО и попросит ему пять лет, он возмутился, заявив, что ни в чем не виновен; Следователь ответил ему: он знает, что не виновен, и называю потому от души и предлагает ему это сделать, добавляя при этом, что если он если он не подпишет, он передает дело другому следователю, и что он будет жалеть, Каретников не согласился и дело приняло такой оборот, что он доведенный методами следствия до того, что подписывал все, что ему предложили, в результате чего попал

на суд Военной коллегии Верховного суда. Перед заседанием коллегии он добился беседы с прокурором коллегии, которому заявил, что все, что им подписано - неверно, что он подписал это под пытками и избиванием и показал ему гниющую кровотокающую ключицу, перебитую ему табуреткой следователем. На судебном заседании коллегии он не признал себя виноватым, а на вопрос председательствующего Ульриха: почему он подписал на допросе протокол? - он опять показал свою гниющую ключицу. Коллегия не объявляет приговора на заседаниях и, как в последствии оказалось: из 76 человек, судимых в эту ночь, было расстреляно 70 человек, а шесть остались живы. Он продолжал сидеть, а по прошествии 3-х месяцев, его снова вызвали на допрос, во время которого следователь вел себя обычно, как положено, чем очень удивил его. В процессе допроса следователь ушел из кабинета, оставив его одного. В отсутствие следователя он прочитал лежащие в деле две бумажки: одна из них была Постановлением коллегии, в которой говорилось, что он не виноват и по суду оправдан, а вторая бумажка была ордер на его арест, датированный несколькими днями позднее приговора коллегии. На допросе он по всем предъявленным обвинениям по тем же, что и на коллегии он виновным себя не признал и через месяца два получил Постановление ОСО, что как член контр.рев. организации приговорен к 8-и годам лишения свободы, с которыми он и прибыл в лагерь.

В январе 1940 года меня вызвали в Управление лагеря в оперативный отдел в качестве свидетеля по делу Корзинкина велось следствие о его побеге и тут ему вспомнили его поведение в августе 1938г. в конвое был составлен акт, в котором упоминалось, что я был при этом случае. Вот меня и отыскали, затем ему в марте был суд, на котором я узнал следующее: Корзинкин после отбытия штрафного наказания на 3-м л/п был на 17-м л/п комендантом, был расконвоирован и уговорив одну женщину бежал с ней, прихватив у одного вольнонаемного охотничье ружье, а у другого ручные часы. Через несколько дней он женщину бросил и остался один и понав в Сыктывкар, выдавал там себя за пом.прокурора, гармонного мастера, заработав на этом некоторую сумму денег, отправился пешком по направлению к Кирову. По пути он встретился с одним оперативником, по ловле беглецов, который был в форме милиционера, с оружием и служебной собакой. Корзинкин отрекомендовался ему агентом по вербовке гужтранспорта. На ночь они совместно остановились ночевать в крестьянской хате, на ночь выпили и закусили. Ночью Корзинкин встал, одел форму оперативника, взял его документы, оружие, собаку и ушел, оставив его в одном белье / на суде он был и очень смешно выглядел /. Продолжая свой путь, он

попал в магазин сельпо в одной из деревень, а там оказался работник милиции из Омктывкара, увидел незнакомого человека в милицеейской форме, спросил его фамилию. Корзинкин ответил, что Литкин / т.е. фамилию оперативника / Зная Литкина, этот работник выхватил из карман пальто пистолет искомандовал: "руки в верх!", в это время Корзинкин выхватил свое оружие, в результате чего работник милиции спрятался за печь, а Корзинкин спокойно ушел и стал продолжать свой путь. Продолжая так путь, он в одной из деревень у какой-то хозяйки остановился поесть, и в то время, как сидел и попивал чаек, хозяйка ему сказала, что в деревне его "товарищи" спрашивают: не видела ли она милиционера с собакой?... После этого Корзинкин вышел во двор, снял с себя все милицеейское и оружие, оставил в хлеве у коровы, переоделся в гражданское и ушел, также спокойно продолжая свой путь и только далеко от Коми попался. Был направлен обратно в лагерь и предстал перед судом, на котром я будучи и узнал эту историю. За все эти похождения его приговорили к 10-и годам лишения свободы, т.к. он из 10-и у него имеющихся отсидел только два, то практически они и увеличили его срок на два года.

В феврале 1940 года начальник л/п Минаков был переведен и на его место был прислан Щербаков Н.М. — он был из бывших военных офицеров старой армии, безпартийный, до удивления педантичный человек, до удивления точен сам и требователен в этом отношении от подчиненных он когда либо, что поручал делать, всегда спрашивал, когда будет готово? Никогда никаких сроков сам не назначал, но если в названное время не сделаешь, крепко наказывал или просто снимал с работы, не принимал ничего во внимание. Но он был справедлив при разрешении любого вопроса. Непридиричив. Очень любил и хорошо знал литературу и беседы на эту тему, чем я много пользовался. Плановую часть он приказе с подкомандировки перевести на головной. В период моего вызова в Управление лагеря по составлению плана на II квартал 1940 года я оставался на комендантском л/п в тех. бараке. Там я узнал, что Клягин, бывший начальник спец-секретного отдела Ивановского Обл. НКВД / о издевательствах его надо мной я говорил выше / за "хорошую" работу был повышен и назначен начальником опер. чек. отдела. ГУЛАГА НКВД СССР, там весной 1939 года был арестован, приговорен к 10-и годам и с этим сроком / как я уже упоминал выше / прибыл в Устьвынлаг и на комендантском л/п был комендантом. Он по прежнему продолжал установившийся в органах НКВД произвол, пуская в ход кулаки, на предупреждение заключенного бывшего начальника Вокруглага, что лагерь не Обл. НКВД, что здесь такие дела не пройдут, он отвечал: "что он был чекистом и им останется". Очевидно он понимал, что пускать в ход кулаки — есть

долг и честь чекистов. В результате он за все это заплатился жизнью. Он был зарублен одним из заключенных. Это произошло за несколько дней до моего приезда, о чем я очень жалел, что не пришлось с ним хоть как-то встретиться и по-беседовать по душам.

Осенью 1940 года к нам на л/п прибыли необыкновенные заключенные по тому времени: это бывшие в плену в Финляндии. Когда я сказал Каретникову, что они прибыли, он не верил до тех пор, пока привел в барак одного из них, это Иванова / он считал, что это невозможно, чтобы сажали пленных/. Иванов — это из Ленинградских рабочих, коммунист, был командиром пулеметного взвода, ранен в обе ноги, раненый попал в плен, там в Финляндии был в госпитале, прямо из которого попал в Россию и так еще ходя на костылях он прибыл в лагерь, имел десять лет, все остальные от пяти до восьми лет, а он больше всех за то, что когда от границы после размена их повезли с охраной как заключенных, он сильно протестовал.

В ноябре 1940 года этот головной был переорганизован в штрафную подкомандировку, а головной л/п был передан на вновь открывшийся л/п у автодороги в 15 км от старого головного, т.е. от реки Коки.

Под новый 1941 год мы слушали радио и было передано, что Ивановский текстильный институт выпускает новый отбельный агрегат с маркой "ИВНИТ" и когда об этом услышал Каретников он был сильно ошеломлен, он с одной стороны был рад, но страшно переживал: ведь он его создатель и автор, но т.к. он сидел, то его именем он не назвался просто "Ивнит". Но в заключение нашей беседы на эту тему он сказал: "хотя я и "враг народа", но я рад, что служу ему, что его изобретение стало его достоянием, я верю, что придет время, он узнает об этом.

13 февраля на наш л/п прибыл новый этап и среди него были два выделяющихся человека, из которых один был Алкенис Ян Янович латыш по национальности, коммунист с 1918 года, арестован с должности начальника кафедры "Оборона страны" Академии Генерального штаба, в годы Гражданской войны был начальником штаба 1-й Конной Армии, имел до 12-и различных орденов, в том числе несколько орденов "Боевого Красного знамени", и также не один орден "Ленина", имел несколько печатных трудов, занимал должности: начальника штаба МВО, начальника Моботдела штаба Советской Армии.

Второй был Куцев Александр Михайлович в звании Комбрига, в момент ареста был слушателем Академии Генерального штаба, коммунист.

Я сразу же знакомился с ними познакомился и всячески помогал им чем мог. О их дальнейшем пребывании в лагере было мне известно следующее:

Алексееву Я.Я. — когда он перешел с головного на подкомандировку, я помог стать бригадиром, потом мы растались и я снова с ними встретился на 20 л/п. О дальнейшей судьбе Алексеева Я.Я. будет сказано далее Куцни А.М., работал в обслуге бани, занимался приемом и выдачей белья, затем в 1943 году был взят на этап, и как я узнал из газеты "Правда" № 132 за 1962 год, что он генерал Советской армии.

В феврале 1941 года ушел с нашего л/п начальник работ Петуховский В.Г., он был им еще до моего прибытия на л/п. Он инженер лесной промышленности из Архангельска, за что-то отбывал пять лет, затем работал в лагере по вольному найму, очень хорошо знающий свое дело, человек редчайшей доброты и справедливости. Он оказывал мне за все время моей работы большую помощь и содействие, он очень хорошо относился вообще к заключенным. Он поступил работать в одну из изыскательских партий по нефте-разведке, и в марте зайдя к нам на л/п сказал мне, что в этом году будет неизбежно война.

III.

В апреле на одной из радио-переключек по производству, я что-то не угодил своему начальнику планового отдела лагеря и был снят с работы. Новый начальник работ Анисимов из молодых инженеров оказался неплохим человеком и назначил меня на старую подкомандировку / т.е. опять на ту, на которой я был летом 1939 года / экономистом и нормировщиком.

Начальником этой подкомандировки был Лобода Георгий Дмитриевич, он был ссыльный. До ссылки он был командиром роты в Красной Армии. В одном из районов Сибири в период коллективизации он проводил свой очередной отпуск, где вспыхнуло восстание и вот за то, что он оказался там, он был арестован. Два года сидел, а затем оказался в ссылке. Это был исключительно тактичный человек, справедливый и очень хорошо относившийся к заключенным. Его отношение ко мне было исключительно внимательное и хорошее. Даже в 6 часов утра стат-сводку, приготовленную мною ночью для передачи на головной, он старался брать на полочке моего изголовья настолько тихо, чтобы меня не разбудить, если я начинал шевелиться, он уже чувствовал себя как будто виноватым. Он очень любил побеседовать со мной на различные темы.

Начало войны меня застало на этой подкомандировке. Я дня через три написал заявление на имя Председателя Комитета Оборона Сталина, с просьбой пойти добровольно на фронт, так было нам сказано, что их писать можно и кроме меня было подано еще 80 заявлений из числа 100 человек, находившихся на командировке, но никто на фронт

заявления нам даже не ответил. Сразу же было изъято радио и нам запретили писать письма, но получать нет. И этим было сделано дополнительное издевательство, а именно никто из заключенных не мог об этом предупредить своих родных и получалось, что они пишут, а ответа не получают по неизвестным им причинам и думают, что мы погибли или не хотим им отвечать. Тоже обида.... Такое положение продолжалось в течение одного года.

С данного момента за мной как за "ведьмой" началась охота со стороны опер-чек отдела. Мне знаешь очень многие заключенные говорили, что их вызывали и спрашивали обо мне. В то же самое время произошел такой эпизод: Утром, после развода сразу, т.е. часов в семь утра в барак зашел сильно взволнованный Лобода и сказал мне, что он сейчас же едет в Управление лагеря в опер-чека отдел, касается его и меня и, чтобы я не волновался. Я конечно понял в чем дело. Затем стали ясны все подробности. На подкомандировке счетоводом прод.стола и вец.стола работал заключенный Милин Борис Сергеевич, доктор физико-математических наук, еврей по национальности. Он жил и работал в отдельном помещении, к нему зашел Лобода, чтобы взять какой-то документ, в это время его в помещении не было, Лобода открыл шкаф со служебными документами, сверху которых лежало одно письмо, которое он взял и сразу понял, что это было донесение в опер-чека отдел на него и на меня, где было полно всякого рода вымышленных слов на политические темы. В момент, когда он читал этот документ, вошел Милин и увидев это, схватил Лободу за шею и начал его душить, чтобы отнять документ, но Лобода отбросил его взял документ и ушел, и с ним, как я уже говорил, поехал в Управление в опер-чек отдел, сказал, что он привез на себя донесение от их агента о своей контрреволюции. Ему там сказали: "поознай, разберись", формально на этом и кончилось. Милина через два дня с нашей подкомандировки перевели на другую. Лобода через некоторое время был взят на фронт и от туда не вернулся погиб.

В сентябре наша штрафная подкомандировка была изъята из 3-го л/п и взамен её был создан самостоятельный 9-й л/п не штрафной и помимо моего желания начальник планового отдела / тот не самый, который снял меня в апреле / назначил меня снова начальником плановой части вновь организованного 9-го л/п, в связи с чем мне пришлось "старую" подкомандировку оставить.

ний политруком штаба ВОХР, украинец, коммунист, никогда не работавший на хозяйственной работе, совершенно не имеющий представления о производстве, но он был очень добросовестный и ~~х~~ советливый ~~и~~ добродушный человек, он не делал даже и намека на то, чтобы ему как-нибудь получить из продуктов сверх пайка / на его месте никто не делал так /, никогда не искал причины, чтобы наказать заключенного, а если к нему подали какой-либо рапорт о проступке, он вызывал такого человека и разговаривал с ним, все стараясь себе внушить, что он наверное не виноват, а если кто признавался в этом, он долго, долго вертел эту бумажку в руках, и всегда давал самое минимальное наказание какое возможно, и сам переживал при этом, т.е. ему наказывать было тяжелее, чем заключенному отбыть его наказание.

На этом л/н я встретился с одним из заключенных Акимовым В.И. Я с ним сначала ссорился, а затем мы были хорошими друзьями. Он работал счетоводом в бухгалтерии. Акимов В.И. — это в прошлом генерал дипломатической службы, был зав. Консульствами Дальнего Востока, имел высшее дипломатическое образование, говорил на языках всех восточных народов / он окончил Восточное отделение института /, кроме того, знал английский и немецкий языки, даже украинский. Его постоянное место пребывания до революции было на Кавказе, при штабе Кавказского военного округа, по этому он был близок даже к некоторым особам царствующего дома. Кроме всего этого он был ученый лингвист, хорошо разбирающийся в Восточных клинописях. В Советский период он был член Корреспондент Академии наук по лингвистике и одновременно преподавал высшую математику в Бакинском индустриальном институте, хорошо разбирался в философии, по убеждению был кадет, возраст его был уже за 70 лет, но еще не плохо выглядел / за ним тоже очевидно охотились, о чем будет сказано дальше /. Он имел 8 лет Постановление ОСО, в котором говорилось: "не хотел сотрудничать с Советской властью" и "существо же этого преступления" было в том, что ему предлагали звание полковника и послали военным аташе в Японию, а он отказался, мотивируя тем, что он уже был генералом и второе: "не хочу быть расстрелянным через три года"

В июне 1942 года л/н был ликвидирован и снова передан в подкомандировку, но уже не 3-го л/н, а первого, отстоящего от нас вышка 30 км. 3-й тоже был ликвидирован и передан ему же. Меня, при моем большом желании начальник 1-го л/н взял в плановую часть 1-го л/н начальным экономистом, где я проработал до августа, с этого л/н всех заключенных, имеющих 1-ю категорию труда взяли в Киль-погост. В том числе попал и я.

У.

Об этом Княж-погосте я уже упоминал и вот в связи с тем, что по Северной Двине сплав леса не производился / в связи с войной /, в Княж-погосте был создан л/п № 21. Он был чисто славяной, т.е. была создана на реке Выль большая завадь, в неё поступало до 600 тыс.м³ леса, он выкатывался на берег, частично разделялся и грузился на железную дорогу. Лагкунит был большой до 4000 заключенных, имел в трех километрах подкомандировку, на которую я попал сразу с 1-го л/п. В начале я ходил на бревно-таску, т.е. на выкатку леса, но встретившись на подкомандировке с заключенным Делалло, ^т он был грек, инженер /~~Виз/Виз/Виз~~ На 3-м л/п он был одновременно со мной, работал прорабом по строительству, им же он был и там. И вот при его содействии я был переведен в бригаду плотников - плотником / это было уже хорошо /.

О том, что я нахожусь на подкомандировке узнал начальник п/ч Хасиев Александр Петрович. Он, когда я был начальником планового отдела на 3-м л/п, был зам. начальника планового отдела лагеря. Он меня хорошо знал, по национальности он из каких-то кавказских народов и коммунист, и попал на Север как "неблагонадежный". Там, на Кавказе он работал в Госплане какой-то республики. Он был очень гуманный, хорошо образованный и честный человек. По его распоряжению я был взят / без моего на то ходатайства / на головной в плановую часть ночным экономистом. Мои обязанности и работа были таковы: с 6-и часов вечера нужно принимать рабочие сведения / наряды / от 102-х бригад, составить информационный докладное донесение, о деятельности л/п, состоящее до 150 данных. Эта работа заканчивалась от 12 и до 2-х часов ночи, после чего я уходил "спать" в общий барак, где жило более ста человек, которые делали подъем в 4-30 утра, поднимался шум, сон прерывался, затем завтрак, утренняя проверка / выгоняли на улицу, она затягивалась иногда часа два проходила /, а затем нужно было принимать те же рабочие сведения от ночной смены и так до 11-и дня, а в 4-е часа вечера обед и начинать сначала, да еще часто вызывали днем в плановую часть.

Питание было очень плохое: хлеба 550 гр и очень плохой приварок, такая изнурительная работа да голодный паек меня за два месяца довели до истощения и на очередной мед.комиссии я получил "легкий труд" по диагнозу "упадок сердечной деятельности".

По окончании сезона выкатки леса, т.е. октябрь месяц была на л/п произведена мед.комиссия всему списочному составу и из 3500 человек было признано 800 человек "временными" инвалидами, т.е. эти

люди ни чем не были больны и в то же время ни куда не пригодны, они были истощены до крайней степени и они были как раз из самых сильных физически людей, но они находились поэтому на самых тяжелых работах, которые их и превратили в такое состояние. Всех этих людей поместили в отдельные бараки, дали им инвалидный паек — это 400 гр. хлеба и по самой низкой норме котел / логика?— истощенным людям / Из них 75 человек были отправлены на сельхозработы, а остальные 725 человек в течение зимы все до одного вымерли. Среди них у меня было много знакомых.

В период моей работы меня вызывали в опер-чека отдел. Оказалось, что "охота" была не только за мной, а и еще кое за кем. Я это сразу понял. Меня начали допрашивать об Анкимове / о котором я уже упоминал выше /. Дело заключалось в следующем: ему предъявлено обвинение в контрреволюционной пропаганде, которой он якобы занимался в бараке тех.персонала на 9 л/п зимой с 1941 по 1942 гг. Конкретно он как будто бы говорил, что в СССР плохо живет рабочий класс, мало зарабатывает и так далее. И второе: что Горький плохой писатель. Два человека подтвердили, что так и в их показаниях говорилось, что я тоже слышал... Но я не дал показаний, что слышал, и дал ему хорошую общую характеристику. На основании моих показаний дело было прекращено. Об этом я узнал из присланного мне от него сообщения из 21 л/п. В это время я узнал, что "охота" за кое кем носила исключительно провокационный характер. Это было видно еще и из того, что для этой цели подбирались более заметные люди, как до ареста, а также и в лагерях. Примером этой провокационной деятельности служит один факт: Начальство лагеря в период войны имело бронь. Узнав, что она будет со многих снята и вот по такой "охоте" была "создана" повстанческая группа, в которую были включены исключительно заметные люди. Одного инженера финна я знал лично хорошо, а с некоторыми встречался / фамилии их я уже не помню /. Им предъявили, что они "хотели организовать в лагере восстание заключенных, для чего обезоружить ВОХР" Дело прошло через какой-то суд. В группе было 18 человек и часть из них была расстреляна, а часть получила большие дополнительные сроки, а начальство вследствие этого, докладывало Москве, что бронь снимать нельзя, так как в лагере неспокойно, и бронь осталась. Так посредством создания таких провокационных обвинений начальство лагеря избавляло себя от отправки на фронт.

В связи с тем, что много народа стало не рабочим, начали формировать бригады / как бы временно / из рабочих в управлении и я попал в бригаду "легкого труда" по заготовке газогенераторной чурки. Бригада эта была исключительно из уголовного элемента. Бригадиром её был Глазунов, артист театра "Мейеркопльда", сидел за кулисами
ство

когда они уходили на работу, то в бараке ничего не оставалось, даже кружки или ложки, как-будто он необитаем, оставить было нельзя, так как все равно все было бы упродано, даже некоторые, которые хотели сохранить одежду, брали его с собой на производство, надевал на пояс. Я также подражал им, все свои вещи оставлял у знакомого в соседнем бараке, а сам, как и они был в том же в чем пришел с работы. На работу шла бригада поздно в ночь и она, по-существу, ничего полезного не давала, она приносила даже вред производству: приходя на работу они сразу разводили костры из шмрика, заготовленного в дневную смену и за ночь сжигали не менее 10-12 м³, а газочурки заготавлила не более 6-8 м³, но т.к. элемент объёмного показателя было нельзя, то в рабочие сводения / наряд / писали что угодно, лишь бы бригадиру, его помощнику и мне / т.к. я писал эту чурку стоя у циркулярки /, было по 700 гр. хлеба и 2-й котел, т.е. на 100 гр. больше каш, чем остальным. Остальным же членам бригады записывалось "от отказа" это для того, чтобы по возвращению с работы не посадили в карцер прямо с вахты, а каше было по 400 гр. хлеба и самый малый котел, это был голод, который в конечном счете заставлял их воровать или стать "временными инвалидами", но и те, кто и коть и немного воровал тоже становились "временными инвалидами", а об уделе этих "временных инвалидов" я уже говорил выше....

И так пути-дороги: "легкий труд", "временный инвалид", и смерть. В этой бригаде я пробыл с месяц, по работе в тех лагерных условиях еще можно как-нибудь жить, но состояние моральное? - находиться среди этих людей и после работы спать в чем работаешь, стало невыносимо, и я добился в январе 1943 года перевода меня в плотницкую бригаду "Курко". Бригадир Курко был один из кулаков с Украины и бригада его в основном состояла из таких, как он. Они все были физически здоровые люди, получавшие хорошую помощь с воли, а среди них, будучи таким слабым, был как "белая ворона", меняли словами говоря, среди них мне было тлнуться за ними тяжело, но я всечески держался, т.к. в бараке, где они жили отдельно, было спокойно, чисто, тепло и уютно, что меня удовлетворяло морально.

В феврале 1943 года нашу бригаду перебросили на подкомандировку на строительство сплавных сооружений на зелани. Меня бригадир назначил на выборку леса из штабелей. Эта работа физически была тяжелой, к тому же я и до этого был истощен. Помещались бригада в палатке, в которой еще было три бригады, в общей сложности до 80-и человек. Палатка была маленькая и была невероятная теснота. Спали на сплюснутых нарах, на которых лежать можно было только в одну сторону лицом. Будучи истощенным и чувствуя физический голод, я добывал лишние жи,

что ночью вызывало частые вставания / через каждый час / и что лижало меня почти полностью сна. Это вело еще к большому истощению. Кроме того, вставши вылезешь из тесно сжавшихся людей, то когда вернешься, твоего места уже нет. Люди немного передвинулись, начнешь их беспокоить, да так часто, то с их стороны проявлялось недовольство, воинственность иногда и туманом.

Вся эта обстановка и работа в конце февраля привела меня к полному истощению. Я уже не мог пробежать и пяти шагов бегом, я еще самостоятельно не мог поднять ногу, чтобы перешагнуть бревно, лежащее на земле. Я или поднимал ногу обеими руками, или пероползал через него на четвереньках. С работы меня отправляли в зону на час раньше, чтобы не задерживать других.

Только неожиданно и помимо моего участия произошло событие, которое и спасло меня от окончательной гибели, оно заключается в следующем: на одном из разводов нарядчик предложил мне выйти из бригады и пойти на работу в плановую часть. В плановой части меня встретили очень нежелательно и враждебно. Романов, начальник плановой части из заключенных, до ареста начальник финансовой части Наркомата путей сообщения, был человек черствый, нелицезный и с большим чиновнически-бюрократическим самолюбием. Сразу, по приходу, он ничего не говоря, дал мне бумажку, это был его рапорт на имя начальника л/п с резолюцией зам. начальника Локоть "перевести в бригаду А.Т.П. для работы в плановой части" / это тот Локоть, что был начальником 3-го л/п, когда я был начальником плановой части /.

Я был очень удивлен, не зная чем это объяснить, но через три дня все было ясно.

В плановой части меня заставили быть ночным экономистом. Первое время у меня очень плохо получалось с работой, я потерял всякое соображение. Я даже не мог как следует считать на счетах / раньше я на них быстро и точно делал все четыре действия /. У меня отекали пальцы и когда из моих рук выползал карандаш, я не чувствовал, а узнавал только по стуку, когда он падал. Все это конечно, результат истощения. Такое обстоятельство еще больше ухудшало мое положение, так как надо мной начали как бы издеваться. Что непригодный человек, через четыре дня меня из плановой части послали на ночное дежурство в секретариат начальника, как только узнала секретарь начальника, и я остался один, из кабинета зам. начальника вышел Локоть, увидев меня и узнав что я прислан дежурить, он спросил меня: где я работаю? и затем рассказал мне, что во время развода он увидал, что где-то видел такого человека, и узнав у нарядчика мою фамилию, вызвал начальника плановой части Романова и предложил ему написать рапорт, что я нужен в плановую часть / такое история, как я туда попал /.

Он стал интересоваться, почему я стал таким плохим / потому, что он меня не узнал / болел?—я сказал, что нет, это от непосильной работы и плохого питания. Тогда он переспросил: что меня может обижали? Я ответил: нет, мне давали положенный паек. Он вздохнув сказал: "и это не помогло". Затем отругал меня, за то, что я не обратился к нему, дав довести себя почти до полной гибели.

На другой день он вызвал меня, начальника сан. части, нач. хоза и в ихнем присутствии распорядился выписать мне больничное питание, хорошее обмундирование вместо рваного, в котором я ходил. Через 2-3 недели такой работы и питания, я стал нормальным человеком, могущим справиться с той работой, которую мне поручали. Вот такой благородный поступок зам. начальника Локоть, спас меня от окончательной гибели. Но его такое отношение ко мне и наша старая совместная работа и была причиной неприязненного ко мне отношения Романова.

У1.

В середине марта на д/п приехал бухгалтер с подкомандировки "Устьевымь" Беллев Николай Филиппович, вольнонаемный, он раньше отсидел три года, за какую-то "контр. работу". Он был старшим бухгалтером на 9-м д/п, где я при нем был начальником плановой части, поэтому он меня хорошо знал. Я ему рассказал о себе и о том, что в плановой части, где меня не хотят, работать трудно.

При его содействии Локоть назначил меня на подкомандировку в Устьевымлаг нормировщиком. Эта подкомандировка занималась сельхозом и на ней была база моторного флота лагеря, где и была механическая мастерская по его ремонту. Работа и жизнь на этой подкомандировке была терпима. Но там опять на моем пути встал плановик Черкасов, заключенный, очевидно боясь опять моей близости к в/н Беллеву. Он сумел добиться в Управлении лагеря сокращения должности нормировщика, соединив её в одном лице-плановике, и я как сокращенный по штату и имеющий к тому времени 2-ю категорию труда, в июне снова попал на 20-й д/п, т.е. круг замкнулся.

Но приходе на 20-й д/п этап поместили на чердаке бани и сразу направили на работу или возвращение я увидел, что всех моих вещей нет, все было украдено и я остался только с матрацем, набитым соломой да телогрейкой. Это происшествие тяжело отразилось на мне. Так я все же имел все необходимое из бытовой обстановки и одежды. На работу я пошел на бревно-таску на выкатку леса и на этой бревно-таске я с одним молодым парнем / татаринем по национальности / работал только по

укатке дров долготья в штабеля и за три месяца работы мы с ним укатали до 5000 м³. Эта работа была очень тяжелой и сильно вымотала меня и я снова получил "легкий труд".

В период этого лета произошел очень трагический случай, закончившийся в следующем: Работая ночным экономистом осенью 1942 года я близко был знаком с бригадиром связистов Анисимовым, хорошим специалистом, прекрасным человеком, но его постигла тяжелая участь, как и многих. Он через какую-то болезнь оказался в числе временных инвалидов и эти временные инвалиды, в том числе и он, чтобы как-то побороть голод, иногда сидели около кухни и ждали, когда оттуда вынесут очистки от картофеля или вообще отходы, собирали и брали то, что можно использовать на "еду". Как только их выносили, они на них набрасывались, и каждый из них, чтобы ему досталось старался при этом быть первым. И вот в один из таких "налетов" на картофельные очистки один из заключенных был оттеснен и не мог подойти к ним. Тогда он схватил лежавшую тут железную лопату и ударил ею по голове первого попавшего, но им оказался этот Анисимов, удар был смертельным.

Вот так нелепо в борьбе за обладание помойной ямой погиб прекрасный человек, к тому же осужден как и я за "контрреволюцию"...

В конце лета на территории барки произошел такой случай; который на мой взгляд нельзя не описать: вели на работу бригаду с конвоєм по одной из подъездных железно-дорожных веток, на которой до этого разгружалась капуста прямо на землю. Капуста была полностью подобрана и увезена. Но на месте разгрузки рядом с дорогой осталась куча листьев. В момент, когда бригада в колонне по два проходила по дороге мимо кучи листьев, два человека отделились и подошли к листьям, чтобы набрать их для еды. Шедший сзади колонны стрелок произвел выстрел и оба человека были убиты. Так ценой жизни заплатили эти люди только за то, что хотели утолить свой голод капустными листьями.

В сентябре я получил работу учетчика по выкатке древесины на бревно-тачке, но с окончанием сезона, т.е. в октябре эта работа кончилась, после которой я попал на лесозавод, где был до декабря и выполнял работы: носил доски от пилорамы, отвозил опилки на тачке из под пилорамы и не большое время проработал учетчиком сырья и пилопродукции. С работы учетчика я перешел на работу вещь-контером, что было большой ошибкой с моей стороны. На эту работу я попал по рекомендации нач-хоза, который был тоже нач-хозом на 3-м д/п, когда я был там начальником плановой части. Он меня хорошо знал и уговорил меня принять вещь-контерку. Ошибка моя заключалась в том, что я на ней был не более двух месяцев, т.е. до февраля 1944 года и был с ней снят

с большими неприятностями для меня, которые вытекали из следующих обстоятельств: списочный состав на л/н доходил до 3200 человек и работать одному было не-посильно, так много было приема и в дачи вещь-довольствия и мне приходили помогать инвалиды. / Среди заключенных много было воров, за которыми тоже нужно было смотреть и у меня стали похозяйничать кое-какие вещи. Был я тут же в конторке / при ней в кабинке / и меня упросил один знакомый взять у него на хранение костюм и вот утром, придя с завтрака обнаружили, что он исчез и еще кое-какие вещи. Но главная неприятность вытекала из следующего: в один из вечеров меня вызывает к себе в кабинет начальник культурно-воспитательной части / вольнонаемный /, у него на диване лежат рваные ватные бржки, он говорит вот забирай их, а мне принеси первого срока / у нас в то время были хорошие ватные бржки армейские/. Я отказался и не взял, но через дня три он пришел ко мне в конторку и спросил приготовил-ли я ему бржки? Я тут ему ответил:, что я заключенный, а не сотрудник НКВД и на подлости не способен. Тогда он закричал на меня и произнес: "что ты контрреволюционная сволочь будешь его помнить, когда будешь ползать на карачках" и ушел. Через несколько дней у меня была назначена ревизия вещь-довольствия первого срока и у меня не хватило четыре майки и четверо трусов / они были украдены /. За такое "растраниживание" я был с работы снят по требованию опер-чек отделом. При передаче другому лицу у меня не хватило одной пожарной куртки и бржк / старых 2-го срока/. Просто неизвестно, как это получилось, как первая, так и вторая недостача, стоили 87 рублей, то её подвели под промот, т.е. по инструкции она была увеличена в 11 раз и стала суммой 965 рублей и такую же сумму у меня списали с моего личного счета, т.е. из денег, принадлежавших лично мне и дело было передано в опер-чек отдел для привлечения меня к уголовной ответственности, после длительных и изнурительных допросов, дело было передано в суд, который мне не как расквитателю, а как калатно отнесшемуся к своим обязанностям по ст. 111 УК, дал срок два года, т.е. я приобрел лагерную судимость. / Вот так и обернулись мне эти ватные бржки/

Работая контером я в силу обязанностей относил вещь-довольствие в ремонт в портновскую мастерскую. Ею заведовал Ефимов, заключенный, имеющий срок 10 лет, по национальности из коми, он сидел только по тому, что имел за геройство в Империалистическую войну все степени Георгиевских крестов и был произведен в офицеры. А в период Гражданской войны был мобилизован в войска Миллера, он был уже в возрасте до 50 лет, и в одной из бесед со мной он спросил: как я все же думаю отбыть 20 лет? / мне тогда оставалось 14 лет /, что это невозможно и что он имеет 10 лет и то не думает в этих условиях их отбыть.

Нужно бежать, все равно не досидим, терять нечего, я сказал, что конечно терять нечего, и что я подумаю об этом.

В то же самое время со мной в одном бараке жил художник клуба, его звали Михаил (фамилию не помню), он также в один из вечеров начал говорить со мной тоже о побеге, что де мол 20 лет отсидеть невозможно и сказал, что он ищет напарника. Я его знал плохо, отнесся к нему с недоверием и сказал, что нет смысла, жить в СССР в таком положении трудно, но он сказал, что да, нужно уйти за границу. Он хорошо знал Персидскую границу, он там служил в Армии.

Сразу же после этих двух разговоров я встретился с землячком Дреминым В., в это время / январь 1944 года / он был на нашем л/п зав. 5-й электростанцией. Что это за Дремин?— Он из Иванова, был директором магазина "Торгсин", за растрату по закону 7/УШ-1932 г. был приговорен к 10-и годам, из них отбыл восемь на Чуйском тракте и в начале 1939 года вернулся в Иваново досрочно за хорошую работу в лагере. Позже один месяц его пригласили в милицию, отправили / чудовищное беззаконие! / снова отбывать не отбытые два года и, он попал в Устьиньлаг на старую подкомандировку зимой 1939 года, где я с ним и познакомился.

В ноябре 1941 года он будучи на работе в пожарной команде 3-го л/п / у автодороги / был за зоной, в это время с нашего / 9-го л/п / вели этап из воров / молодежь /, которых направили для мобилизации в Красную армию, этап остановился погреться в пожарке. Люди, находящиеся в этом этапе были страшно истощены и Дремин в кругу своих пожарников сказал: "какая из них армия?, разве Красная армия из таких может одержать победу?... Кто-то "стукнул", но уже в таких выражениях, что "Красная армия не может одержать победу"— его предали суду и приговорили к расстрелу, затем заменили 10-ю годами и это произошло когда ему оставалось два месяца до полного освобождения. Он был хороший товарищ и вообще неплохой человек во всех отношениях. Я его хорошо знал, доверял ему. Я ему рассказал о моих разговорах с художником Михаилом, он был очень удивлен и сказал мне, что этого человека он хорошо знает, он вместе с ним был в погран-охране на Персидской границе, он там был следователем особого отдела / Дремин был там в это время красноармейцем / и в настоящее время, здесь на л/п является "стукачем" уполномоченного, с ним ни о чем не нужно говорить и вообще не иметь ни какого дела, он обязательно выдаст.

Наши беседы с Дреминым на возможность побега продолжались, он мне открыл, что уже подготовлены кроме его люди, одного ~~человека~~ он мне назвал, это был зав. сапожной мастерской / фамилию я его не помню / его звали Иваном,

Это был молодой парень из жителей средней Волги, сидевший со сроком 10 лет за какую-то "веру" то ли Толстова, то ли Евангелиста... План, который он изложил мне был таков: в мае, когда еще не совсем растает в лесу снег, т.е. будет еще вода в одну из ночей, когда будут дежурить два стрелка его земляки коми, мы пройдем через проволочное ограждение и вместе с нами уйдем / они тоже не хотят служить в охране / и уже будет две винтовки, что дает нам возможность, в случае чего обороняться от погони, кроме того, что он безупречный стрелок. Этим стрелком я часто видел у него и слышал их разговор на их языке. Дальнейший план еще состоял из того, что он местный коми и его население коми не тронет, а наоборот, будет содействовать нам. Как будто бы, чтобы оторваться от лагеря, все было полной гарантией на успех, и в дальнейшем предполагалось пойти в Коми / а там будет видно /.

В одно из посещений Ершова, я увидел, что этот Михаил выходит из его кабинки, я спросил: он зачем к тебе ходит?, что у вас общего? Ершов мне ответил: что он тоже в нашей группе и что у него есть знакомый электрик, и он изготовил компас / имея ввиду Дроминна /. После такого ответа Ершова у меня и "но за кою пробежал мороз". Я ему рассказал все, что знал об этом Михаиле и добавил, что "мы пропали", что при уходе вместе с ним нас возьмут на месте "преступления". Он ответил, что без него? - я сказал, что все равно в опер-чек отдел все известно, все равно нам этого наверно не удастся, нас возьмут ранее намеченного нами срока. Тогда ни чего не было решено, и вопрос остался не отмененным и не решенным.

УП.

После сдачи конторки / в начале февраля / я попал в бригаду Комиссарова / бриг. Комиссаров /, которая работала на разделке дуготы, на широк балансирной циркулярной пилой. Работали половину времени в ночных сменах. Работа была очень тяжелая. Бригадир Комиссаров был подлинный лагерный "волк", который чтобы удержаться любыми средствами, вплоть до избивения / он был физически сильный / членов бригады, добивался выполнения задания. Было несколько случаев когда он ударял и меня, но после моего предупреждения его с глаз на глаз, что он не сносит головы, он прекратил меня избивать.

В это время Алексис Ян Личович после выкатки леса, где он был бригадиром учетчиков, попал тоже на балансировку. От такой работы там он по состоянию попал в инвалиды. Инвалидов иногда посылали на легкие хоз-работы. И вот он попал на переборку картофеля на складе-хранилище, т.к. варить картофель не разрешалось, то они все, в том числе и он, с голода ели его сырым,

что запретить, фактически было невозможно; будучи истощенным он после такого "питания" получил понос от которого и умер.

Произошла какая-то реорганизация бригад и я, из бригады Комисарова выбыл и попал на с/п/п работы. В середине мая Ершов с л/п был этапирован, мне было неизвестно куда и по какой причине, был разговор, что его взяли на 8-й л/п для работы в центральной портновской мастерской / которая шла на начальство управления лагерь /.

В одной из встреч с Михаилом / художником / он спросил меня: А где Ершов?— я сказал, что не знаю, но говорят, что на 8-м л/п. Он ответил: что знаешь, я стал ему говорить, с приложением ругани что его номер, как сокота не пройдет. Он цинично ответил: что пройдет, Ершов уже в тюрьме и ты должен понять за что. Я конечно понял все, т.е. началось следствие по нашей подготовке к побегу.

В итоге взяли на этап меня и Ивана зав. сапожной мастерской. Нас отправили только в двоим на одной автомашине. Дорогой мы уже догадались в чем дело, Иван был направлен на комендантский л/п и я с ним больше не имел ни каких известий.

Меня направили на 8-й л/п и я попал в штрафную бригаду на заготовку зеленой массы для силоса. На л/п я встретил хорошо мне знакомых людей: Горчакова В.И. заключенного со мной вместе на 9-м л/п 1941-1942 гг был нормировщиком, им же он и работал и там; Хасиева А.И. вольнонаемный он был начальником плановой части на 20 л/п, им же он работал и там. Увидев меня они всячески старались мне помочь. И через несколько дней Хасиев А.И. сказал мне, что он сделать ничего не может, т.к. меня из бригады /Времина/ /т.е. штрафной/ перевести нельзя, т.к. я значусь за уполномоченным./значит я оказался следственным/, в следствии чего я все время пребывания на 8-м л/п находился в этой бригаде. В это время я встретился с одним бухгалтером / заключенным /, он хорошо меня знал и он мне рассказал, как он будучи вызванным в оперчек. отдел свидетелем по какому-то другому делу и случайно / в уборной / встретился с Ершовым./ его он тоже хорошо знал /.

Он спросил его: не видел ли он меня? Бухгалтер ответил: что я нахожусь на 8-м л/п. Тогда Ершов извиняясь попросил его передать мне следующее: что ведется следствие о нас, что мы собирались в побег и, что он ни чего не признал, а также заявил на следствии, что меня не знает совсем.

Работа в этой бригаде сама-по себе не была тяжелой, но плохо было то, что норму выполнять было невозможно, и я её не выполнял, что приводило к голодному пайку и даже к изолятору / я отсидел пять ночей за не-выполнение нормы /. Бригадир был из бандитов, невероятно жестокий человек. Часто прибегал к избиванию некоторых членов бригады,

В том числе был случай когда этой участи подвергся и я. Что я часто протестовал против этого, но формальный предлог был "что я не хочу работать" ^и мало содействовал. Самым мучительным было то, что эту силосную массу мы заготавливали по сырью болотистых местам, которые были насыщены тьмой комаров, от которой ничем не возможно было избавиться, даже если бы только стоять и ни чего не делать, но ведь руки были заняты работой, от которой оторваться некогда (нужна норма). Лицо и шея у меня до такой степени было извешено, что все было покрыто силосными стружками, а веки глаз распухли так, что закрылись совсем, и я несколько дней был как слоний.

В конце августа на 8-й л/п приехал с отчетом бухгалтер Устиновской подкомандировки / она стала подкомандировкой 8-го л/п / Зайцев, заключенный он, когда я был на этой л/к тоже работал и меня хорошо знал. На л/к не было нормировщика. При содействии Горчакова нач. плановой части Хасиев согласился эту должность установить и я был назначен на неё. Было много хлопот, т.к. это было воскресенье / хотелось уехать вместе с Зайцевым, был конвоир/, контора не работала не было начальника л/п. Приказ о назначении подписал ст. агроном / 8-й л/п был сельскохозяйственный / заключенный, а нарядчик бегал специально на квартиру к уполномоченному за разрешением меня отправить, тот сказал, что я ему не нужен. Это сообщение мне ~~мне~~ принесло вторую радость - я понял, что следствие о побеге кончилось. Это и было все неожиданно, что даже трудно описать мои радостные переживания. Когда я покидал эту штрафную бригаду, в которой я так много перенес неприятностей.

УП.

До февраля 1945 года работа и жизнь на л/п шла хорошо, но в феврале меня снова постигла неприятность. В феврале л/п принял новый начальник по фамилии Кудлатый. Он был до крайности ограниченный человек и с такими понятиями, взглядами и высказываниями, что его ни как нельзя было принять за нормального человека. С ним не мог ни ужиться, ни иметь что-то общее даже ни кто из начальников других лагерей и командировок. Он сразу, по приходу к власти начальника, что другие никогда не делали, стал сам утверждать рабочие сведения и, "нашел" что бригада, работающая на пресовке сена, не выполняющая суточного задания по пресовке не может иметь выработки более 100%. Он не считался ни с какими другими дополнительными работами, и по его вхождению, что ^{ни} всей произведенной работе кроме графика кормить не следует,

а следует только по выполнению задания. Из этого он сделал вывод, что много лишнего было из продовольствия выдано заключенным, /поручив это все подсчитать/, хотя они при этих процентах были на полуголодном пайке. Он считал, что виноваты в этом я, бригадир и десятник по сено-заготовкам, и приказал нас всех с наших работ снять и отдать под суд, поручив это дело старшему бухгалтеру подкомандировки, последний не стал этого делать, считая, что нет подсудной вины. Таким образом ни какого суда нам не было. Под подой в бригаду по заготовке торфа для удобрения. Работа эта производилась так: нужно было снять до 30 см. наноса промерзшего ила / место это было в пойме на берегу р. Вычегда /, который поддавался только усиленному долблению тяжелым ломом, затем начинался талый торф и вода. Работа была очень страшно тяжелая, не по моим физическим силам / в эту бригаду я был назначен Кудлатым умышленно/.

Бригадир по фамилии Клопов, был из жуликов, таким он оставался и в лагере. Он всячески содействовал Кудлатому в его садистских действиях по отношению ко мне. Давал мне самые плохие участки. Записывал точно, что я сделал, если не меньше, тогда как все остальные на половину получали приписки, и в то время доносил Кудлатому, что я не хочу выполнять нормы, а все остальные "ведь выполняют".... Кудлатый вызывал меня к себе в кабинет, где у него на письменном столе с обих его концов лежали целые стопы томов произведений Ленина, и разговаривая с заключенными он воображал, что он какой-то всемогущий "Бог". Разговор был со мной больше морально-садистского характера с применением эпитетов, унижающие достоинства человека, как такового до последней крайности.

В одной из бесед / они уже мне сильно надоели/, он взял том Ленина сказал мне: " вот тут Ленин пишет, как нужно относиться к паразитам. Я заявил, что я как коммунист-ленинец считаю, что Ленин правильно определил как нужно относиться к паразитам / он очень сильно не терпел, что я назвал себя коммунистом/ он в это время орал на меня, что я "враг народа! и какое имею право называть себя так?!"... Но нам нужно с Вами установить, кто паразит?— я считаю, что люди, которые не совершив ни какого преступления и под приставленными к их спицам птыками, добывают долбя мерзлую землю и стоя в воде на морозе торфа до 5-7 кубометров и получая за это полуголодный паек, по определению Ленина будут рабами, но не паразитами, а люди, которые осуществляют это гнусное дело и в тоже время сами ни чего не делают по определению Ленина и есть паразиты. Вы лично и относитесь к ним!!! Он после моей такой речи с силой стукнув по столу томом Ленина и запустив при этом в мой адрес несколько изощренных матюгов — выгнал

меня и больше ни когда не вызывал. А однажды, на производстве, когда ему бригадир сказал: гражданин начальник вот Власов, поговорите с ним, но Кудлатый ответил: "с ним разговаривать невозможно, ну его к ----- матери и он вплоть до моего отъезда со мной никогда не разговаривал."

После копки торфа я попал на его вывозку, в которой я и другие были навалышками, свальщиками и лошадьми, т.е. на специальных санках мы его возили на поле на себе на расстоянии одного километра, да еще в гору. После возки торфа таким же способом, на такое же расстояние возили навоз из коровников и свишарников. Во время этой работы произошел такой эпизод: (это было в апреле, на дороге была вода), когда я тянул санки с навозом, против меня остановилась автомашина (это было на большой дороге, с Устьымляга на Сыктывкар), из кабины её вышел человек, одетый в меховую куртку, со звездочкой на шапке и с пистолетом на боку (какой-то военный) и спросил меня: "что я имею свой огород? что ли, когда сам возу на себе навоз? Я ему подробно рассказал, кто мы и для чего возим навоз... На вопрос: есть ли лошади? я сказал: что есть и стоят в конюшне. Он еще поинтересовался кто наше начальство, и лично моей биографией до ареста. После всего этого он стал сильно перничать, плюнув при этом и выругался высканываясь, что такое он видит в первый раз, что он ни за что бы не поверил, если бы не видел это. Такое отношение к людям - преступление, и заключил такими словами: "да нам еще предстоит борьба не только на фронте, но и дома кое с кем"...

После этой лошадиной работы я попал на заготовку дров для потребностей подкомандировки. После копки торфа и вывозки его и навоза я уже по существу был совершенно не пригоден на такую работу и я кое-как пилил с одной женщиной, но наша работа давала нам штрафной паек, это 300 гр. хлеба и несколько ложек баланды. Через 12 дней этой работы я уже был переведен в слаб-команду, при содействии нарядчика Гриши, очень хорошего человека, стал дневальным в бараке козочников и обслуги скотных дворов. Быть дневальным в таком бараке было делом уже "привелегированным", можно было подкормиться, но опять это было не долго. С наступлением сенокоса, меня послали на сенокос. Сначала на ближний, это мы ездили на катере, прямо с командировки, а затем на дальний.

IX.

Дальний сенокос был от командировки в 35 километрах вверх по Вычегде, куда отправляли людей на постоянно. Там ни какого жилья

не было, а были сделаны шалаши из сена, которые при дожде промокали. Питание было очень плохое. Ходьба до работы далекая и сама работа сенокосение и уборка была в основном, по болотистым местам. Все эти условия были очень тяжелы и люди по истощению или другим болезням выбывали каждый день. В кустарнике и перелесках на сенокосе было много всяких диких ягод, что для голодных заключенных было большим соблазном. Этому искушению подвергался и я. Мы уходили в лес и собирали их. Стрелки, которые были с нашей командировки, зная нас, не обращали на это внимания, т.е. не боясь, что мы убежим и не преследовали нас за это. В нашей бригаде появился новый стрелок, он был сверх "бдительен", при нашей попытке собирать ягоды — открывал из стрельбу. Но она иногда не имела действия, голод брал верх, да и жизнь такая была не выносима. Наша бригада часто ходила далеко, а я сильно отставал, то "бдительный" стрелок не мог меня оставить (наш оставаял⁴⁾) и останавливал бригаду и наша бригада из-за этого была больше в дороге, чем на работе. К тому же еще я и часто ходил собирать ягоды и все это вызывало жалобы на меня начальству, несмотря на это, я не изменял своего поведения.

Во время ~~приезда~~ ^{Приехал} на сенокос Кудлатого и с ним вместе командира взвода охраны (фамилию не помню) он был из фронтовиков. Очень гуманный человек, коммунист, очень хорошо относился к нам. Даже, когда замечал Кудлатого, ходил по баракам и говорил: "а ну кому нужны справки⁴⁾ на посылки (разрешение)?", а то придет Кудлатый ни чего вам не будет... По существу так и было. Кудлатый подписывал их только "избранным!"

Во время их обхода сенокоса к нему подошел стрелок с жалобой на все мои "дела". Он меня хорошо знал и поэтому позвал к себе и, один на один, я ему все объяснил и добавил, что я погибаю. Он спросил: "ведь у тебя кажется 20 лет?— да я сказал. Тогда он придумал следующее: чтобы взять меня с сенокоса на подкомандировку сказал Кудлатому, что с таким сроком Власова он вне зоны охранять на покосе не может.... Кудлатый растерялся и тут же приказал меня отправить на командировку. Приехали в пять часов утра, а ^ввосемь часов я пошел в сан-часть. Меня фельдшер спросил: "а тебя что прислал начальник? / вместе с Кудлатым на сенокосе был и начальник сан-части/ Я догадался, что он имеет в виду своего начальника и сказал: "да! Когда я разделся, он сказал как я истощал и положил меня в стационар. Действительно я был сильно истощен, это было мое второе "доходяжничество" (как говорят в лагере).

Справки⁴⁾ — только по таким справкам принимались посылки на ~~личных~~ заключенных.

Устроенная мной сценка с уходом с сенокоса спасла меня от более серьезных тяжелых последствий, т.к. после меня вернувшиеся с сенокоса выглядели еще хуже, хотя они были очень удивлены, застав меня на командировке, т.к. после меня начальник сенокосной командировки Ильин устроил собрание и на нем заявил, что я взят с сенокоса, как дезорганизатор и отправлен в центральную тюрьму для отдачи под суд. Придя на работу днем Кудлатый хотел меня вызвать, но узнав, что я в стационаре, был удивлен, как это получилось, но сделать уже ничего не мог, да и очевидно не пытался. После лечения в стационаре я был выписан в слабосильные и опять стал дневальным. В это время началась уборка урожая / самая сытая пора для заключенных/, и она конечно, не обошла и меня, т.к. жители барака, в котором я дневалил, вспоминали и обо мне. В конце октября командировка закрылась. Я попал в первый этап на 19-й л/п, это под самую Ухту и от нашей командировки километров на 200 на Север. 19-й л/п был при железнодорожной станции Чинис-Ворок специально лесозаготовительный. На нем я попал в дорожную бригаду, где работа заключалась в расчистке лесовозных дорог от снега. На этом лаг.пункте я встретился с заключенным Силко. Он там был нормировщиком, а он меня знал по 9-му л/п в 1938 году. Он был там лодочником по подвозке грузов. Он меня очень хорошо встретил и всячески старался мне помочь. Он стал договариваться со Славущим Н.И. начальником отдела труда и зарплаты о втором нормировщике на л/п /я уже упоминал о Славущем Н.И./ Он, идя навстречу моему устройству ввел такую должность, и я приступил в декабре работать нормировщиком. В этом же месяце на наш л/п прибыл этап "воjak"- это фронтовики, побывавшие в плену. Их с нами не смешивали, а отвели им отдельную подкомандировку нашего лаг.пункта, и мне пришлось для неё подготавливать нормировщика, одного из них. Это был инженер по специальности, Ленинградец, на фронте был командир саперной роты. Всем им проводилась "фильтровка", т.е. отпускали домой, заставляли вербоваться в ВОХР, давали ссылку. Большинство судили и давали сроки лишения свободы. Но в начале января 1946 года рано утром неожиданно нам объявили, что весь лаг.пункт уходит на этап, а на наше место уже у вахты стоят опять "воjаки", т.е. они нас ожидали, когда мы уйдем, чтобы с нами не встретиться / от нас их держали в секрете / так, опять получилось, что нас выжили "воjаки" и опять мне не повезло. Нас направили в два места: первое - 1-й л/п лесозаготовительный, самый плохой во всем лагере, и Верхне-Веслянский совхоз, самый хороший. Я узнал, что я попадаю на 1-й л/п перед самым выходом на вахту, но при содействии Силко и Комиссарова / того самого, что был моим бригадиром на 20-м л/п, он на 19-м л/п был нарядчиком / я был переставлен из списка на 1-й лп/ в список на Верхне-Веслянский совхоз и таким образом я оказался там.

В период этапа пришлось перенести не мало: со ст. Чинби-Ворок нас погрузили на открытые железнодорожные платформы, по краям обгороженные очень плоскими стойками и прилохой по ним очень редкой обшивкой из тонких тесинок, а сверху по головам нас накрыли брезентом, и вез нас мотовоз, гоня платформу перед собой. Платформы были страшно переполнены, т.е. очень тесно, от чего обшивка гнулась и каждый боясь, что она лопнет и попадет под колеса, старался продвинуться на середину платформы, а так как я принадлежал к числу слабых и не бойких людей, то меня прижали к самой обшивке, которая гнулась и трещала и я столько пережил за время дороги, что долго не мог опомниться от ужаса, который овладевал мной во время движения.

Х.

В первое время я работал в бригаде на лесоповале / срубали лес под раскорчевку для распашки /. Здесь в совхозе я встретил старых знакомых— это Провз, он ранее был начальником плановой части 1-го л/п, а здесь он был плановиком, Лопухова — это один из бухгалтеров, который шел со мной вместе этапами с Княж-Погоста в 1938 году. Здесь он работал нормировщиком. Кроме того старшим агрономом совхоза был Каров Анисим Васильевич, бывший Нарком земледелия, сидел за "контрреволюцию". Все эти люди старались всячески мне помочь и в начале февраля, т.е. через месяц я был назначен бригадиром по заготовке торфа для удобрения, а через две недели ночным экономистом в плановую часть. Начальником плановой части был вольнонаемный Аржанович Анатолий Карлович / бывший заключенный, но бывавший на фронте и имел награды/, безпартийный, очень спокойный, тактичный, культурный и добрейший человек. Проработав в плановой части до конца марта я был переведен на подкомандировку № 1 экономистом и нормировщиком, а работающий там Криволапов Иван Васильевич⁺⁾ был взят на головной экономистом на место Провз, т.к. Провз был освобожден досрочно по жалобе.

В результате того, что я попал в совхозе на эти работы, прекратилось мое изнурительное положение в лагере, которое продолжалось четыре года и дважды ставило меня на грань смерти.

⁺⁾ Криволапов был Москвич — инженер-текстильщик, очень хороший и как человек, и хорошо грамотный, коммунист, сидевший тоже за "контрреволюцию"

На подкомандировке в совхозе на работе экономайста-нормировщика я проработал до мая 1950 года.

Командировка находилась в 25 километрах от центральной усадьбы совхоза на берегу реки Весляна, на хорошем сухом берегу, она имела 65 га посевов, закрытый грунт, т.е. теплицу и парники, животноводство / лошадей и коров /. Летом весь летний состав людей был занят на работе в совхозе, а зимой часть людей, в особенности мужчины, работали на лесозаготовках. Состав колебался от 200 до 250 человек, из которых до лета 1948 года было до 50 женщин. В смысле распорядка и режима для заключенных она не была похожа на прочие командировки лагеря, допускался не узаконенный лаг-режим / свой доморожденный / " демократизм", и она в этом отношении больше напоминала затерявшийся в глуши маленькую сельхоз. колонию.

Такое состояние зависело: от начальника подкомандировки, охраны и начальника всего совхоза Тугулунова, а также и от характера самой работы / сельхоз./ Начальник совхоза Тугулунов был из местного населения / Коми /, коммунист, агроном по специальности. Очень хороший человек. Он в своих отношениях не считал заключенных, как заключенных, а относился просто, как к рабочим совхоза. Это конечно, и задавало тон по всему совхозу.

Начальником подкомандировки Усцов Николай Константинович был до этой работы не большое время следователем опер-чек отдела, но от туда был почему-то направлен к нам на подкомандировку. Он был коммунист, родом из крестьян Вологодской области. В армии был старшим в конной пограничной охране. Его хорошей стороной было то, что он хорошо разбирался в людях, в обстановке, в вопросах: как и, кто за что попал в лагерь. Нельзя было сказать, что он был не строг, и нельзя сказать, что да! Не заслуженно не наказывал. Без толку не придирался. Был деловит, жертвовал своим режимом в пользу производства, а также и заключенного в его нуждах и потребностях как человека, и иногда и его человеческих слабостях, но порядок по командировке все же был хороший. Он пользовался уважением заключенных и это тоже до известной степени, как-то способствовало порядку, как на производстве, так и в быту. С заданиями как в сельхозе, а так же в лесозаготовках на командировке справлялись, и не чувствовали ни какого давления или нажима с его стороны. Создавалась какая-то самобытно-сложившаяся жизнь. Он был также заботлив о бытовых нуждах: как-то жилье, сан-службе, питании, одежде, любил литературу и поощрял культ-работу, вечера, постановки и прочее. Последние два месяца моей работы он был начальником всего совхоза, а начальник подкомандировки был другой.

Людской состав подкомандировки менялся часто, так как с лесных участков к ним посылали изнашивавшихся людей, а по мере их восстановления

снова брали обратно. Постоянные необходимые кадры не менялись, а наоборот были устойчивы, только в 1947 году кое-кто выбыл, отсидев десять лет, т.е. набора 1937 года, но они все были в основном направлены в ссылку в Красноярский Край.

Весной 1947 года я узнал, что Каретников Ал.Гр. после моего выбытия с 1-го л/п, т.е. августа 1942 года все время находился на 1-м л/п, он в 1946 году окончил срок и был закрепленным за лагерем и работал на должности начальника старой подкомандировки, т.е. той, которую я покинул в сентябре 1940 года. Весной 1947 года он заболел какой-то болезнью, то-ли аппендицит, то-ли заворот кишок и в результате операции умер.

За четыре года моего пребывания на подкомандировке, на одной и той же работе, даже в одном бараке, на одной койке / что в лагере просто невероятно! / я встречался с очень многими интересными людьми, всякого, как говорят, сословия. На некоторых я считаю необходимым остановиться:

1. Сизин Василий Павлович. Имел срок десять лет. Не старше 30-и лет. Кончил Ленинградский сельхоз-институт, коммунист. Работал до ареста на Урале. Что-то не в попад сказал и стал контрреволюционером / он был слишком прост на все выражения / На подкомандировке был агрономом, он очень добросовестно относился к работе, целиком уходил в неё и хорошо поставил дело. На подкомандировке, несмотря на северные условия, были хорошие урожаи картофеля, моркови, капусты и других культур. До нашей командировки он работал шесть лет на лесоповале и был отличный лучкист. Освободился в 1947 году и поступил на работу в совхозе "Гигант" старшим агрономом участка, с нами от туда имел переписку.
2. Кропачев Иван Ионович. Имел срок 10 лет. Возраст за 50 лет, старый коммунист, арестован с должности начальника Политуправления Особой Дальне-Восточной Армии, т.е. замполит Блокера. Когда я прибыл на командировку, он возил дрова из леса для отпущения командировки. Я назначил его бригадиром, затем десятником по заготовке сена, поместил его жить с собой рядом, т.е. имели три года одну туббочку. Он знал хорошо Тукачевского с Гражданской войны, в которую он был комиссаром полка, и вообще он был очень хороший собеседник и прекрасный товарищ. Он освободился в 1948 году и уехал работать к Сиздину В.П. Он был токарь по специальности.
3. Горник Исаак Хаймович, еврей по национальности, в возрасте старше 60-и лет, до ареста жил и работал в Кишиневе / Бесарабия / Он был юристом. До присоединения Бесарабии к СССР, т.е. до 1939 года он работал сотрудником адвоката, был хорошо образованным человеком, знал девять разных языков. Очень интересный собеседник. Имел срок восемь лет за то, что до 1939 года был членом сионистской организации.

после освобождения был направлен в ссылку в Красноярский Край. Его жена, и дочь в период его ареста были выселены в Салдхард, даже ему не дали возможность, как ссылке, попасть в ссылку к ссылке семье.

Работа у меня была посильной и по времени и по знаниям, и я с ней справлялся хорошо. Как-то сразу с начальником Усцовым были стички по некоторым принципиальным вопросам моих прав и обязанностей, а затем мы поладили друг друга и он ко мне относился с большим доверием и свободой. Я же со своей стороны, был требователем к себе, держался как это положено в моем положении заключенного. Не злоупотреблял доверием, хотя хорошо знал, что мне кое что и кое-какие нарушения были прощены. Такое положение быстро^{вс} укрепило мой авторитет, как у него, а также и у заключенных, по отношению к последним я был принципиально не подкупен и все, что можно было сделать, пользуясь своим служебным жандармским правом для улучшения их положения, я делал это ~~никогда~~ ^{никогда} безвозмездно / что считалось в лагере невозможным и обратное не осуждалось /. Таким образом я как-то сумел, на протяжении всех четырех лет работы поставить себя так, что его довольно было начальство и заключенные.

В конце июля 1949 года на совхозе произошло событие, которое не могло не отразиться на моральном состоянии людей. При клубе совхоза был из заключенных художник мужчина в возрасте до 50 лет. Он был человек уважаемый среди заключенных, имел срок пять лет и был расконвоирован. Пользуясь этой относительной свободой он ходил в лес собирать ягоды. В один из дней командир взвода охраны пошел проверять бригады, работающие на сенокосе, в это время он встретил на лугу неизвестного человека, которого задержал, и привел на совхоз. При обыске на вахте в вещевом мешке у него оказалось человеческое мясо. Задержанный оказался беглецом из какого-то другого лагеря. Его заставили указать где он взял это мясо, и он привел охрану к тому месту, где лежал обрезанный человеческий скелет, которым и оказался художник совхоза. Он был убит в лесу двумя идущими беглецами с целью питания в пути. Один из убийц случайно и был задержан.

Я пользовался "относительной" свободой, т.е. меня выпускали за зону / хотя я пропуска не имел, это делалось с разрешения начальника и командира охраны / Выходя за зону я как бы превращался в не заключенного, заходил иногда к кое-кому из вольнонаемных работников, ходил: на животноводческие дворы, парники, на поля, луга, реку и в тайгу. В летний период я ходил за грибами и ягодами, пользуясь таким положением я даже в одно лето садил для себя картофель и сажал табак.

Та тяжелая участь, которая постигла меня, она постигла очень ~~много~~ многих, но у этих многих срок был 8-10 лет и я отбывая свой срок как то не думал о двадцати годах, а считал, что так или иначе 10 лет все равно я бы имел и срока 20 лет как то не ощущал и я думал и надеялся, что через 10 лет все же отпустят. Рассчитывая на это я написал в Президиум Верховного Совета ходатайство об освобождении, к нему я получил хорошую характеристику, но получил отказ...

Такой отказ я сильно переживал и нервничал, чем вызвал интерес у начальника, на его вопрос в чем дело? Я ответил: что я не знаю такого случая, чтобы самый жестокий деспот России или какого другого государства мог отказать политическому заключенному, отсидевшему 10 лет в каком либо снисхождении, а ведь у нас рабоче-крестьянское Правительство, что же оно тогда представляет? в сопоставлении с деспотами. Он очень удивленно посмотрел на меня, и стал всячески просить меня надеяться на лучшее. Особенно мне было тяжело в 1947-1948 годах, когда очень много освободилось по "набору" 1937-1938 годов.

После отказа я решил, что надеяться ~~не на это~~, что я освобожусь раньше срока, не на что, и решил изменить свое поведение и быть в лагере и свои взгляды на дальнейшее и вплоть до освобождения, т.е. все остальные восемь лет ни чего и ни кому не писал.

Второй эпизод, который как-то морально и тяжело отразился не только на мне, но и на всех заключенных, это то, что летом 1948 года с нашей подкомандировки взяли всех до одной женщины, и отправили их на главную усадьбу совхоза, и её сделав специально женской.

Эта реформа была из Москвы и касалась всего лагеря, как средство борьбы с сожительством, которое приносило много хлопот начальству, и очевидно еще в связи с тем, что были дети, в нашем лагере для женщин матерей была отдельная командировка, на которой насчитывалось в 1948 году детей до 200 человек.

По уходе женщин сразу сделалось как-то не то кутко, не то грустно, и командировка, как я говорил выше из похожей на какой-то поселок стала резко похожа на подлинный лагерь тюремного облика, т.е. стала как-то не естественно иметь отдельно мужское общежитие. В общей сложности на данной командировке 1946-1949 гг, после тяжело пережитых 1942-1945 годов было какой-то отдушиной, как в физическом, так и моральном отношении. Это были самые благоприятные годы у всего моего 18-и летнего периода заключения.

В начале мая 1950 года я попал в списки лиц, подлежащих отправке в спец-лагеря как "тяжелый государственный преступник" не смотря на все ходатайства начальника и даже по его инициативе я был положен

в стационар, как больной не могущий этапироваться — не помогло, последнее стало известно начальнику лагеря и последовал приказ с угрозами по адресу начальника Усцова ^{а/я} был отправлен на этап.

С нашей командировки было взято шесть человек. нас этапировали через головной совхоз, где Усцов очень хорошо и душевно провел со мной с глазу на глаз несколько часов и вообще нас с совхоза хорошо проводили и я навсегда покинул, не только хорошую командировку и Устьвынлаг и был направлен в Казахстан в спец-лагерь.

— " —

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1.

Спец-лаг, в который мы прибыли в Экибастусе Павлодарской области в 100 километрах от реки Иртыш назывался он "Стен-лаг". В Экибастусе было приступлено к освоению нового угольного бассейна и начали строительство нового города Экибастуса для будущих угольщиков.

Режим спец-лага резко отличался от режима общих лагерей, он не существу, даже не был лагерем / это только название /, он был просто тюрьмой, но только с той разницей, что в нем заставляли работать.

Состав заключенных в нем состоял исключительно из 58-й статьи т.е. из "контрреволюционеров", в нем были: бендеровцы, т.е. украинцы националисты, литовцы, латыши, эстонцы тоже националисты. Все они сидели за то, что после освобождения их территорий принимали то или иное участие в борьбе с новым Советским строем. Русские были в основном "вошки", т.е. все те, кто побывал в плену немцем или в армии Власова. Заключенных остальных категорий "контрреволюционеров" было не много: было несколько человек немцев, осужденных как преступников войны. Списочный состав заключенных доходил до 3000 человек.

Режим лагеря был такой: размещались в отдельных деревянных бараках до 300 человек в каждом, в каждой камере на окнах были железные решетки. Были и все необходимые службы как-то: столовая, баня и штаб лагеря, а также и все остальные бытовые службы, даже отдельная каменная тюрьма, обнесенная сплошным деревянным забором, т.е. тюрьма в тюрьме....

Эта тюрьма иначе именовалась карцер, но в ней камер / карцеров /

было много и все они были устроены так, что зимой и летом был страшный холод. Обледенелые стены и сырость, ни какой вентиляции, стены были сложены из бутового / дикого / камня. Сажали туда без бушлатов и телогреек, т.е. только в гимнастерках, питание 300 гр. хлеба в день и кружка воды и на четвертый день - немного горячей пиши / один плохой суп /. Просидевшие в нем 15 суток оставались на всю жизнь инвалидами, а некоторые не выдерживали и умирали.

Все эти здания были обнесены высокими проволоочными заграждениями с большими вышками, с установленными на них пулеметами.

По распоряжку дня после работы строем под командой надзирателя Уткин, а затем барак снаружи заперлся и общения между жителями барака не было. В бараке для отправления естественных надобностей "батоаяли" "параша", которые распространяли зловоние, отравляли воздух. Юридически заключенные как люди исчезали и как в казенных конюшнях лошади имели тавро с номером, но только с той разницей, они имели одно "тавро", а мы по четыре: на спине, груди, правой ноге, и на головном уборе, иными словами говоря мы носили номера. Они носились как на верхней одежде, а также и на рубашках / гимнастерках /, имели такую форму: = X - 933 / это был мой последний номер /. Сначала их писали на белой материи краской и пришивались, затем вытравлялись хлоркой прямо на одежде, а потом на черной материи, отдельном лоскутке, который и пришивался к одежде. При обращении к нам всякое начальство лагеря и охрана называли нас только по номеру. Допустим так: "номер У-933 подойдите сюда"... Питание было плохое: хлеба 600 гр. и очень некачественный приварок, денежной оплаты ни какой не производилось. Писать письма из лагеря допускалось только два письма в год, а получать неограниченное количество. При себе ни чего своего держать не разрешалось, даже тапочек, портянок, или что-либо из белья, если таковое при обыске находилось, то отбиралось и сжигалось в топках, а виновные в хранении наказывались. У меня лично было отобрано таким путем трикотажные шелковые кальсоны и портянки.

II.

Администрация лагеря всячески пыталась изощряться в выборе форм садизма и произвола. В особенности в этом отличался начальник режима лейтенант Мотеховский. Всех форм было настолько много и они были настолько разнообразны, что их трудно перечислить, для примера приведу несколько:

1. Каждый вечер устраивалась проверка личного состава, которая заключалась в следующем: по окончании ужина всего лагеря из каждого барака

выгоняли всех на улицу, не зависимо от погоды и времени года, выстраивали в ряды по пять человек и считали, затем сразу загоняли в барак и запирали, после чего заключенные должны были ложиться спать, но как только они улеглись, раздавался крик: "выходи на поверку!", т.е. начиная сначала. И так иногда по несколько раз. Это вызывалось тем, как выражались "не сошло", т.е. этот бездарный и малограмотный штат надзирателей, делающий поверку, не мог с ести счета.

Подобные поверки не только по документам устраивали очень часто и по выходным дням, занимая их целиком.

2. Одним из начальников лагеря был издан такой приказ, что заключенные при встрече с надзирателем, не доходя до него 15 метров должны снимать шапку, практически это вылилось в абсолютное издевательство, так как расстояние в метрах кто мог определить? и получилось так, что снял - виноват, и не снял - виноват. Не снял - вина не снял, а снял то надзиратель говорит: почему поздно?, ближе 15 метров? в обоих случаях заключенный был предоставлен полному произволу надзирателя. Он в данном случае каждого "нарушителя" сразу, если хотел, то вел в карцер. В связи с этим, я часто вспоминаю и сравниваю этот установленный порядок с прочитанным мною в книге "Сахалин - ссылка" / автора точно не помню, как-будто Данилевича /, изданную в 1912 году, который посетил Сахалинскую тюрьму. В этой книге он приводил такой эпизод: он говорит, "что его очень удивило, что в наш век цивилизации и гуманизма существуют крепостнические законы, т.е. заключенные обязаны снимать головные уборы перед начальником тюрьмы". Наш начальник лагеря превзошел Сахалин, он заставлял нас снимать шапку даже перед простым надзирателем. Но ведь там было самодержавие, а наш начальник коммунист, да к тому он всегда чванливо подчеркивал: - чекист!

3. Во время развода утром, а также при возвращении с работы вечером нас всех тщательно обыскивали, заставляя при этом, не зависимо от погоды и времени года раздеваться, а вечером даже снимать обувь, эти процедуры занимали много времени, в следствии чего нас утром выгоняли из барakov раньше, а вечером мы позднее возвращались, но это время нахождения на обысках не входило в часы работы. Рабочий день был с 8-и утра и до 6-и вечера, а с момента выхода из барака и до момента возвращения мы были "на ногах", т.е. без отдыха с 6-и утра и до 6-и вечера, т.е. 14 часов.

4. К каждому барaku, в котором мы жили, был напостоянно приставлен надзиратель, практически это была наша первоначальная "администрация" и "царь и бог": вечером он после отбоя запирает барак с наружи и уходил, а утром, сразу после звонка "подъема" отпирал. У надзирателей барakov, в дополнение ко всем прочим формам издевательства были

изобретены свои, особо ими придуманные методы и формы, которые заключались в следующем: для этих целей надзиратель отпирал барак за несколько минут раньше и как только раздавался звонок подъема он вбегал в заранее намеченную им секцию / мы жили каждая бригада в отдельной секции в бараче было до 10-и бригад / и сразу записывал номера заключенных, которые окажутся на парах, а не на полу. Но в момент его захода в секцию, как правило, все были на парах, т.к. не хватало еще лишнего времени встать после звонка, то все вскакивали сразу с быстротой "молнии". С верхних нар прыгали с шумом и грохотом, то пока он записывал два-три человека, остальные уже были на полу. Записываться любой, дело кого, то этой участи, быть записанным мог подвергнуться любой, дело только в том, кого он захочет записать. Но было и наоборот: он так же приходил раньше звонка за несколько минут и заходил в секцию и если находил, что кто либо был на полу — опять записывал номер. И так ежедневно, как по графику участи записывания подвергались две каких либо бригады, а иногда ежедневно одна и та же, все зависело от его желания, и это все было как система. Записанные должны были написать объяснительную записку, почему он допустил "подобное" нарушение лаг-режима, на записке следовали резолюция начальника режима Мореховского и карцер до 3-х ночей, а иногда надзиратели "судили" сами, заставляя что нибудь делать, мыть надзирательскую или еще что нибудь в штабе или тюрьме, таскать параша за дневальных барака, если они были у надзирателя "стукачи" Кто не писал объяснительную записку / а что в ней можно было написать?/, то надзиратель писал рапорт, и отказ написать эту записку был дополнительным "преступлением" и такой заключенный наказывался строже. С писанием объяснительных записок дело доходило до абсурда, их требовали по всякому поводу: забыл ли телогрейку в голубах постели уйдя на работу, или рукавицы не туда положил, косо одеялом накрыл постель, или больше, или меньше оно висит с постели, покрывалась бирка на вагонке, запачкался номер, оказался с напросом в секции и другие мелочи на объяснительной записке по всем этим "преступлениям" была все также та же неизменная резолюция до 3-х дней карцера и по желанию надзирателя его собственный "суд"

III.

Сразу по прибытии я попал в бригаду, которая ходила на разгрузку кирпича. Кирпич этот был специально для кладки печей обжига на кирпичный завод — сильно обожженный, ни каких рукавиц нам не давали и через два дня работы, руки настолько были ободраны, что из них сочилась кровь и была сильная боль. После нескольких дней работы бригада

была переброшена на строительство, где я первое время работал на штучных работах. Не имея опыта она у меня получалась плохо и я через это имел много неприятностей. Месяца через два работы на различных строительных работах я был взят прорабом Воронцовым на работу в пролабскую контору, где выполнял работы, связанные с ПТО СМУ-3, /Производственно-технический отдел Строительно-монтажного Управления № 3 / где я на этой работе работал до конца ноября. На эту работу я попал при содействии своего бригадира Комова В.И., этот Комов был моим бригадиром / за исключением 2-х или 3-х месяцев / до ноября 1954 года, т.е. четыре года. Комов В.И. был родом из Вфремовского уезда Тульской губернии, выходец из крупной кулацкой семьи, т.е. из богатых крестьян он был старым арестантом. В первые он попал в лагерь в 1929 году в возрасте 17-и лет, за участие в убийстве председателя с/совета в разгар коллективизации и был приговорен к 10-и годам; Через два года он бежал и после чего он уже начал заниматься разными воровскими делами, опять попадая в лагерь и такой образ жизни он вел до 1941 года, когда он освободился из лагеря по фамилии Мальцев и устроился на работу в Донбасе. При оккупации немцами Донбаса, немцы взяли его на работу в Германию. По дороге он сделал две попытки бежать, за что попал в Бухенвальд, где и был до освобождения их союзной армией, после чего был взят в Советскую армию, от куда демобилизовался по фамилии Комов. Приехал в свое село на Родину, женился, работал в колхозе, а затем как-то стал известно местным властям, что он бежал при первом сроке, его в 1946 году арестовали и судили и опять дали 10 лет. Так в это время за побег применяли статью 58-14, т.е. " контрреволюционный саботаж", он и очутился в спец-лагере. В 1955 году его дело было пересмотрено статья была изменена на 82 т.е. когда за побег давали срок два года, а он уже отсидел восемь лет, т.е. шесть лет ни за что, ни про что. Жизнь этого человека в течении 26 лет была сплошной трагедией по своему моральному состоянию, он был человеком способным на любой низкий поступок, вплоть до любой кульнической махинации или воровства. Он был малограмотный и ограниченный, но очень хитрый человек, способный вывернуться из очень тяжелого положения. Он подбирал к себе в бригаду хорошо квалифицированных рабочих, сильных физически, и поэтому наша бригада выполняла самые сложные и хорошо оплачиваемые работы, и потому она имела самый большой процент выработки по лагерю, т.е. занимала первое место, в связи с чем она лучше питалась и одевалась, а с введением денежной оплаты хорошо зарабатывала. Однажды на поверке / как я говорил она нам выматывала силы / он на вопрос начальника лагеря к нам и у кого какие к нему вопросы, спросил: " почему у нас в лагере фашистские порядки?" Начальник на него закричал, говоря от куда ты это взял? Он ответил:

что он был три года в Бухенвальде, потому и сравнивает. Начальник не нашелся, что ответить и тут же ушел.

1У.

Совместно со мной у прораба Воронцова работал нормировщиком из заключенных Талалаев Алексей Яковлевич, из офицеров Советской Армии. После окружения на Украине он жил в оккупированном немцами Киеве, где он жил до войны и где оставалась его жена, он вернулся к ней. Работал в пожарной команде. После прихода Советских войск он был арестован и осужден к 15-и годам "как изменник Родины". С ним мы были в хороших товарищеских отношениях. Он был культурный, спокойно-выдержанный и тактичный человек. В одной из бесед он сказал, что мы пропадем в этих лагерях и вообще при существующем положении. Я ему ответил: что он не прав, что такое существующее положение абсолютно ненормально и не может продолжаться, что оно изменится, когда мы услышим: "алло, алло, говорит Москва ЦК с прискорбием извещает, что и так далее..." и что мы еще встретимся с тобой в Москве и ты женишься и у тебя будет "Вовка" тебе тебя за штаны и говоря "папа" пойдем гулять, а я получу обратно свой парт-билет и мы с тобой выйдем хорошо. Он на это ответил: что это красивая мечта.

В результате так оно и вышло. Он отсидел 11 лет, был реабилитирован, вернулся в Москву в 1955 году, где у него жили родители. Одновременно с Талалаевым я встретился еще с одним москвичом, с которым мы были хорошими друзьями и собеседниками, это Шером Юрием Львовичем. Евреем по национальности, он в это время был лектором на производстве как говорят в лагере "ходил с чемоданчиком", затем он работал на стройке нормировщиком. До ареста он был журналистом и переводчиком с английского языка на русский в доме "Кино" при демонстрации английских и американских кино-картин / он прекрасно владел английским языком / . Имел срок восемь лет. В Постановлении О.С.О. говорилось: "за восхваление Американских кино-картин лишение свободы 3 лет" Он был реабилитирован и освобожден в начале 1955 года. В ноябре 1950 года я был назначен "старшим бригадиром" на объект. В мою обязанность входило оформление всех выполненных работ бригадирами для лагеря, т.е. старшие бригадиры были представителями лагеря непосредственно на стройке на этой работе я находился до июля 1952 года.

У.

В июне на лаг-пункт прибыл, не помню от куда, этап, среди него много было осужденных за Бендеровское движение Украинцев и, вообще, эти люди были изъяты с того лагеря, где они были за "неугодное поведение", с точки зрения лагерного начальства. Они с момента их прибытия и на нашем лаг-пункте, стали теми же, какими они были там, от куда их отправили. В своем поведении и поступках, они на лаг-пункте несли много соблазнов и не больше, как через ~~две~~ недели их прибытия вся жизнь на лаг-пункте резко изменилась. Большинство этих людей составляли Западные украинцы-бендеровцы и литовские националисты. На строительных участках появилось много совсем не работающих лиц, занимающихся чем угодно, или еще чего-нибудь, а некоторые просто не большими группами открыто разгуливали по строительному участку / как аристократы /, распевая свои нацистские песни. Очень многие начали работать для вида, т.е. очень не много, но все эти люди предъявляли требования на заполнение нарядов на 100% выполнения норм выработки.

Такое состояние без внимания начальства не могло остаться. К тому же оно все расширялось и постепенно захватывало все большее количество людей. Начальство решило навести "порядок", но всех виновных практически было сделать невозможно, то оно, как и всегда начинало с организаторов, но кто они нужно было знать. Но оно само по себе было от нашей жизни было оторвано, а знать нужно. Тут оно прибегало к способу шпионажа, или по лагерному к использованию "стукачей" и кое кого из ретивых работников из заключенных, находящихся на кое-каких подсобных работах в лагерном аппарате. Заключенные все это конечно предвидели и опередили в этом отношении начальство путем конт-мер, т.е. они приступили к физическому уничтожению всех тех, кого они считали принадлежащими к выше упомянутой категории людей. Убийства всеми способами проходили как на строительных площадках, так же и в самом лагере, на улице, уборных, или прямо в бараках почти открыто. Был один такой случай: на одного заключенного напали на улице, он пытался спастись, побежал в штаб лагеря и вбежал в кабинет начальника лаг-пункта майора Максименко, в то время его там брили и в его присутствии этот заключенный был зарезан, а сам Максименко с намыленной цеской убежал на вахту. Этому событию предшествовал такой случай: в метрах пятидесяти от наружной зоны стоял барак, в котором жили заключенные. Из под пола этого барака в целях побега был ~~был~~ прорыт тоннель с выходом за зону под её основание. Тоннель уже выходил на несколько метров за зону. Была проделана большая работа - ~~двигались~~ десятки кубометров земли из неё ^{не} ~~расширалось~~ под полом. И вот, когда остался один день работы, он ~~был~~ обнаружен и таким образом все труды пропали, а тот человек, которого зарезали в

кабинете начальника был в этом бараке дневальным и подозревался, что он донес начальству об этом готовящемся побеге. Выражаясь грубым языком, на лаг-пункте началась резня внутри заключенных, такое положение создало очень тяжелую обстановку, доходившую до того, что у большого числа людей не было гарантии, что ты можешь быть убитым или наоборот, попасть в число зачинщиков или участников этой резни и быть схваченным начальством, а там опять тоже смерть, т.е. расстрел. Будучи старшим бригадиром я сильно переживал, так как будучи ни в чем не виновным, я все же боялся, что, что-нибудь да коснется меня. Больше всего я боялся, что я буду отнесен начальством к зачинщикам или участникам, так как за мной был хвост с Севера, да меня и несколько раз вызывали в опер-чек отдел и всякими угрозами требовали от меня, чтобы я включился в борьбу с виновниками резни, так как на стройплощадке, где я был старшим бригадиром было несколько случаев убийства, то меня еще обвиняли в том, что я как старший бригадир, допускаю это. Я после вызова в опер-чек отдел начинал переживать и то, что всякое посещение опер-чек отдела в это время бралось на учет организаторами резни. Таким образом, я все время находился между двумя огнями. В такой сложной обстановке трудно поручиться за то, что все заключенные, которые были уничтожены как "сексоты" были виновны в этом, но были ли и действительно виновные.... Я могу привести два примера о том и о другом. Я знал лично некоторых лиц, занимающихся "стукачеством", предупреждал их в самом зачатке "движения против них", но они были упрямы и говорили, что они не бросят этого дела. В результате они погибли. Один из них из Москвы / фамилию не помню / был пожарником в зоне, был убит за семь дней до освобождения. Также за три недели до освобождения погиб тоже москвич Назаренко. Он был прорабом по строительству в зоне. Я его хорошо знал, он был прорабом на участке Воронцова, когда я работал в конторе у Воронцова, он также содействовал мне в данной работе. Я и многие другие были совершенно противоположного мнения о какой-либо виновности против заключенных, наоборот, он был очень хорошим человеком и товарищем, и всегда, когда он что-нибудь мог сделать для заключенных, он безбоязненно делал, его смерть - загадка...

В период этой резни погибло более 100 человек, насколько целесообразны были эти жертвы, трудно определить, но они были все же составной частью той борьбы, которую вели заключенные против того насилия и произвола, которому они подвергались. Подобная борьба охватила в то время очень много лагерей и полностью все спец-лагеря, что безусловно, помогло и ускорило изменение положения заключенных в лагерях, а также рассмотрение вопроса их виновности и законности дальнейшего содержания в заключении и ссылки.

VI.

Начальство в начале как-будто растерялось или смотрело на это как говорят "сквозь пальцы", или просто не знало, как быть. Некоторые даже высказывали такое мнение, что начальству резня, а не дружба среди заключенных на руку. В общем его поведение для нас казалось непонятным. Оно ограничивалось такими мерами: формированием не больших этапов за пределами лагеря. В эти этапы входили люди, которых уже дальше держать было нельзя, как могущих быть уничтоженными. Но начальство распускало слух, что их берут и отправляют на этап не как "сексотов", а как зачинщиков резни. Но были отдельные этапы "подозрительных" в организации резни, но несмотря на эти этапы, положение не менялось. Формирование подобных этапов происходило постепенно и отправка их не могла быть ежедневной. Заключенные, которые теряли уверенность в том, что их не уничтожат, обращались к начальству с просьбой о их спасении, тогда их из бараков изымали, на работу не посылали, а держали в тюрьме / о которой я говорил выше /. Таких людей на лаг-пункте называли "Бригадой Мо^ижковского" / лейтенант Мо^ижковский был начальником режима /. Одновременно начали по-одиночке арестовывать и сажать в тюрьму некоторых заключенных, как виновников происшедших событий, начиналось своего рода следствие. Некоторых, подержав несколько времени / до двух недель и меньше /, выпускали, а некоторые оставались сидеть. В начале декабря в тюрьме образовалось два "сорта" заключенных. Такое положение породило такую мысль: разбить тюрьму, тех, кто арестован, как виновный, выпустить, а "бригаду Мо^ижковского", уничтожить. У кого, когда и как возникло такое дело, мне было неизвестно, да вообще среди заключенных такого настроения было незаметно и оно для большинства было неожиданным. Я не могу описать все эпизоды и факты происшедшего, я скажу только о тех, очевидцем которых я был сам, т.е. то, что и глазам моим представилось.

VII.

Каждый день, когда я возвращался с работы, я прямо с вахты, т.е. не заходя в барак, шел в штаб лагеря в производственный отдел для информации начальника отдела о состоянии работ на участке, а затем я шел прямо в столовую на ужин, поэтому я ужинать с бригадой никогда не успевал, и вообще несколько опаздывал. В один из дней начала декабря я только, что вошел в столовую, в ней уже бригады не ужинали, а было несколько человек запоздавших, только что я успел получить ужин, как услышал: сначала легкую очередь выстрелов / это как оказалось

стрелял Мочаловский из пистолета / затем автоматные очереди и пулеметные с вышек /. Продолжая ужиматься я наблюдал такую картину: как только раздались выстрелы, находившиеся в столовой люди поимскакивали из-за столов, легли на пол, а некоторые прятались за столешню в середине столовой кирпичную печь, а некоторые заключенные, которые в силу голодного существования находятся в столовой до конца, чтобы разжиться чего-нибудь, т.е. в большинстве остатками недожденного. Несмотря на опасность / стекла столовой были из цитов, легко пропускали пули / брали и ели оставленную испугавшимися их еду, когда те вылезли из под столов, то их ужина уже не было, они были в недоумении, ругались, но конкретно найти виновников было невозможно, т.к. людей было много. Покончив с ужином я пошел в барак, так как стрельба уже кончилась. Выйдя из столовой я увидел следующее: на улице, т.е. в зоне не было ни одного человека, только изредка кое-кто выбегал из-за угла какого-либо барака, среди зоны стояла группа солдат, человек до 30 с автоматами, в штабном бараке во всех окнах были выбиты стекла, забор, окружавший тюрьму был местами изломан / повален/. Войдя в барак я увидел в коридоре сильно возмущенных людей и пять человек лежавших на полу, из них было двое убитых и три раненых, все они пострадали лежа на нарах, т.е. легли уже спать. Они были убиты и ранены пулями, которые легко пробивали стены барака во время стрельбы из пулемета "Декларева" и с угловой вышки / наш барак был крайний от забора /. Такой случай молниеносно облетел все бараки что сильно возмутило людей, так пострадавшие были абсолютно ни в чем не виновны, так как они не принимали ни какого участия в разгроме штаба и тюрьмы. Из охраны и надзирателей был один пострадавший надзиратель получивший несколько ударов палкой. Ворваться в тюрьму и осуществить свой замысел не удалось. На другой день в знак протеста против расстрела невиновных, весь лагерь объявил голодовку, несмотря на то, что по всем баракам начальство лагеря ходило и всячески уговаривало и требовало выхода на завтрак - ни один заключенный не вышел, а раз не вышел на завтрак, то и ни один человек не вышел на работу! - все единогласно требовали наказания виновных. На второй день повторилось тоже самое, пища готовилась, но в столову ни кто не ходил, не ходили также и на работу. На второй же день появилось много всякого начальства и из области / Павлодара / и также и из Алма-Аты, но с ними никто не разговаривал и все требовали депутатов Верховного Совета.

Так прошло четыре дня, я удивлялся спокойствию и высокому моральному духу и стойкости людей, так я лично знаю много случаев, когда у некоторых заключенных были кусочки недожденного хлеба или что-либо из посылки, то они в течение всех четырех дней голодовки не дотрагивались до них как бы стеснялось, что они едят, а остальные нет. Такая четырех

дневная голодовка сильно отразилась на людях и без того систематически не доседал. На пятый день, днем появились какие-то депутаты и которым в письменном виде была вручена "петиция", т.е. соответствующее заявления, в котром было изложено подробно все присшедшее, а также было включено, как требование, в частности: ликвидировать О.О.О. как не законного органа, отмены срока выше 10-и лет, пересмотр всех дел, очным открытым судом, ликвидация спец-лагерей, смена всей администрации лагеря, наказания виновных в производе над заключенными, введение оплаты за работу, наказания виновных в расстреле и ряд других. За весь период голодовки бараки не отпирались и заключенные ни какого общения между собой не вели, а все же держались одновременно, что очень удивляло начальство. Один капитан Ермаков, он был начальник цензуры, приходя к нам в барак говорил: "ну! вы на работу "нейдете?", это уж ладно, так и быть, но вы хоть поешьте, но берегите себя".... После такого события был отправлен большой этап, а к нам прибыли новые люди, было арестовано несколько человек, было заведено дело и состоялся какой-то суд, но этот суд носил несколько непонятный характер. Было присуждено к расстрелу два человека и несколько к срокам. Но приговоренных к расстрелу я знал и они безусловно не являлись виновниками резни. Виновники как резни, а также разгрома тюрьмы не были все же уличены и остались в стороне. После всего этого большого шума на лаг-пункте все успокоилось и жизнь снова пошла по-старому.

УШ.

В июне 1952 года ~~важные должности~~ ^{Старших Бригадиров} были сокращены и я попал в плотницкую бригаду и начал работать плотником. Это было уже на другом объекте / 168 квартал /, который только начинался вновь, а прорабом стал на нем Шеломицкий Юрий Иванович, т.е. тот, что и был последнее время на 145 квартале, с которым я работал совместно, когда был старшим бригадиром. Он увидев меня на работе в бригаде предложил мне пойти на работу в прорабскую контору, где я проработал до августа 1954 года, т.е. два года. Шеломицкий Ю.И. был прорабом на 145 квартале, а затем 168 квартале прямо из техникума, т.е. еще молодым человеком. Будучи старшим бригадиром на 145 квартале мы с ним хорошо сработались, понимая хорошо друг друга, не смотря на то, что это было то тяжелое время резни и беспорядков. Он был очень спокойный, выдержанный, культурный, гуманный и морально-стойкий человек. Своим личным поведением и отношением к работающим, он приобрел авторитет и пользовался большим уважением к нему ^{со} стороны бригадиров. С июня 1952 года и по июль 1954 года был выстроен 168 жилой квартал, это 6 жилых

домов на 100 квартир, 2 магазина и одна большая десяти летняя школа. Все это было сделано в установленные сроки, сдано с хорошим качеством и с экономией средств. Его объект был самым лучшим во всем Экибастусе. Это было именно следствием того, что не-обитатели люди хорошо работали. Ко мне очень хорошо относились, кроме Шеломицкого, так и работники СМУ, в частности начальник производственного отдела Шилев С.И. и главный инженер Христофоров, в особенности начальник СМУ Григорий Иванович / фамилию забыл /, а также и работники треста, в частности начальник ПТО Попов. Работая в такой человеческой обстановке, я находил большую моральную поддержку от той уютной обстановки, которая была в лагере. В этой обстановке, по существу, и сама работа была отдыхом. В начале работы, т.е. летом 1952 года на наш 168 квартал были с какого-то другого объекта переброшены работники ПТО СМУ из заключенных. Один из них был Рапопорт Арнольд Львович, с которым я тут и познакомился и с этого времени наше знакомство продолжается без всякого перерыва и в настоящее время. Рапопорт еврей по национальности. До ареста жил в Архангельске. Был арестован в 1937 году и приговорен к 10 годам тоже за "контрреволюцию", отбывши^в в Воркуте получил ссылку в Казахстан, жил в каком-то колхозе, через несколько месяцев снова был арестован и опять приговорен к 10 годам и все за то же, т.е. за то что сидел за "контрреволюцию". Будучи хорошо образованным и довольно начитанным человеком, он был хорошим собеседником. Кроме того он был и хорошо разбирающимся в обстановке времени. Он был выдержанным, тактичным и хорошим товарищем, между нами установились хорошие товарищеские отношения. Начиная с весны 1951 года я был знаком с Солженициным Александром Исаевичем. Это был человек в возрасте 30 лет, до ареста ~~жил~~ был в армии в артиллерии командиром батареи, в 1945 году арестован за "контрреволюцию" и приговорен к 8-и годам. Он был высоко-образованным человеком /окончил физико-математический факультет университета/ Как в области математики, а также и литературы он любил и хорошо знал русский язык. Его часто можно было встретить за изучением словаря "Далы", с которым он не расставался. Он был очень скромным, тактичным и внимательным человеком и хорошим товарищем, не любившим каких-либо шумных компаний. Более близкие наши отношения установились с весны 1953 года, его заинтересовала моя биография и он попросил меня подробно ему её рассказать. Для этого в течение всей весны и лета мы не пропускали ни одного выходного дня и с утра до вечера вели наши беседы, которые попутно с рассказом о моей жизни возникали и другие интересные вопросы общественной жизни и он мне часто говорил, что он многое узнал от меня, то, что он узнал впервые или понимал не правильно. Он очень любил и ценил наши беседы и ~~еще~~

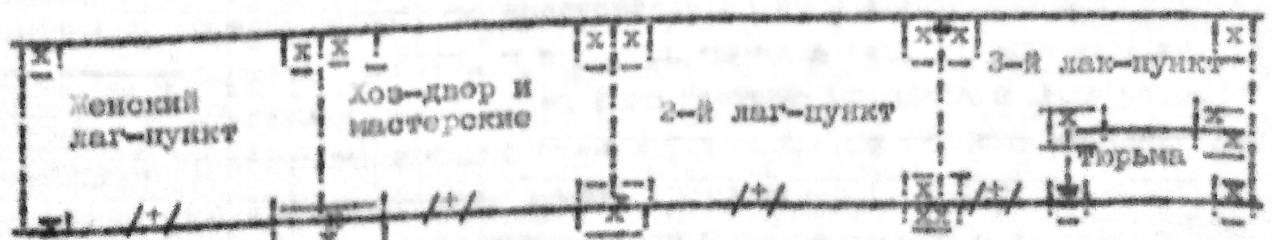

сказал мне, что если будет писать / он говорил, что будет /, то "оши-
вет меня! Осенью или в начале зимы 1953 года он освободился из ла-
гера и был направлен в ссылку. На этом наша личная связь до осени
1953 года прекратилась.

После смерти Сталина, т.е. с половины 1953 года наше поло-
жение в лагере изменилось. Был отменен режим спец-лагеря, т.е. лагерь
был переведен на обычный режим. Были сняты с окон решетки, бараки
на ночь планировать не стали. Появился в зоне культурный уголок, где
можно было почитать газеты, послушать радио, получить книгу. Были
сняты номера и мы превратились в людей, хотя заключенных. Введен
так называемый бригадный "хоз-расчет", т.е. нам стали начислять
зарплату по нормам по общегосударственным расценкам, но из этого
заработка удерживали сразу 55% в доход государству, а затем удерж-
живали стоимость одежды и питания, а остальное выдавали на руки.
При такой системе, кто выполнял нормы более 110% и до 200% и более
причислялась денежная сумма примерно так: при 200% до 300-350 рублей.
Внутри зоны появился магазин, в котором можно было кое-что купить
из продовольствия. Кроме того, было снято ограничение переписки,
получения денежных переводов и посылок.
Очень характерно приспособился к новому порядку наш начальник лаге-
ря подполковник Матвеев, он был жутким поборником всего того произ-
вода спец-лага. Но что всего интереснее, он стал очень ретивым про-
водником нового порядка, только Мочаловский пытался цепляться за
старое, но в этой обстановке он был уже не страшен....

IX.

В августе 1954 года лагерь целиком был отправлен в Дзезказ-
ган, половина на Дзезказган-рудник, а половина в г. Дзезказган на
строительство города. Наша бригада целиком пошла в город Дзезказган
или Кенгир, так это место называлось раньше. Новый лагерь назывался
"Стенлаг", а в Кенгире также было его 5-е отделение, там же нахо-
дилось и Управление лагеря. Пятое отделение состояло из 3-х лаг-пунк-
тов, в том числе один женский с количеством 1500 человек. Он был рас-
положен так:

X - здания

/// - заборы

Общее количество доходило до 5000 человек. Наша бригада попала на 3-й лаг-пункт и я с месяц ходил на строительство, а затем попал в плановую часть, где труд пробыл не более 2-3х недель, а затем наша бригада была переведена на 2-й лаг-пункт.

До нашего прибытия в Штанкит Степ-лаг, там произошло жуткое событие, последствием которого, почти все находившиеся там люди были отправлены в разные места, а часть до 700 человек погибла на месте, т.е. мы прибыли заместить убитых людей. В период нахождения на 3-м лаг-пункте я познакомился с одним заключенным, армянином, очень старым человеком, старым коммунистом, который в период событий был членом комитета по управлению заключенными. Он мне подробно рассказал о этих событиях, которые заключались в следующем: началось это событие с 3-го д/п, чему накануне предшествовали два эпизода, накалившие к этому времени обстановку. Первый эпизод: на одном строительном объекте был выстрелом с вышки убит один человек, находясь в нескольких шагах от запретной зоны, что явно незаконно, так как стрелок мог стрелять в том случае, когда запрет-зона нарушается. Второй эпизод; за ним же в след: когда был убит один человек в период конвоирования начальником конвоя, только за то, что он проявил какое-то не подчинение, пустившись в пререкания с начальником конвоя, а тот решив его утратить выстрелил в него и убил наповал.

В начале мая 1954 года на 3-м д/п находилось 580 человек заключенных, но они все были уголовники, по этому они и были отдельно. Поперечные стены, разделяющие лаг-пункты друг от друга были сложены из самана, что легко разбирались, и тому же они не были огневыми, т.е. не простреливались стрелками с вышек / как внутренние стены /. Пользуясь этим, некоторые заключенные ночью разбирали дыры в стенах и через них пролезали на другие лаг-пункты, вплоть до женского, для посещения женщин.

Сразу же после второго эпизода заключенные 3-го д/п не вышли на работу, требуя наказания виновников убийства, и в то же время продолжая переход через стены с лаг-пункта на лаг-пункт. В обычное время за такие дела они если попадались, то отделялись карцером, а во вновь сложившейся обстановке, чтобы не допустить общения лаг-пункта с лаг-пунктом, лагерное начальство распорядилось внутренние стены сделать, как и наружные огневыми, не предупредив об этом заключенных, которые не прекращали этого делать, и в первую же ночь нового порядка, когда люди полезли через дыры, с вышек была открыта стрельба и было убито на смерть 17 человек, а также были и раненые. Это событие всколыхнуло заключенных всего отделения, в результате которого произошло следующее: внутренние стены всех лаг-пунктов были разобраны и люди всех трех лаг-пунктов оцепались, включая и женщин, т.е. образовался как-бы

один лаг-пункт, вся лагерная администрация из пределов лагеря была выгнана, тюрьма была открыта, из неё были выпущены все, кто в ней находился. После того, как была выгнана лагерная администрация, она в зону больше не допускалась, кроме медперсонала да инкасатора за выручкой из ларька, то для самоуправления был избран комитет из 15 человек, его председателем был Кузнецов / в момент вспышки он находился в тюрьме и был выпущен вместе с другими / полковник Герой Советского Союза, коммунист, сидел за какую-то "контрреволюцию", его заместителем женщина Шахновская, коммунистка, экономист какого-то крупного московского учреждения, тоже "контрреволюционерка".

На работу продолжали не выходить, в переговоры с лагерной администрацией не вступали, требуя депутатов Верховного Совета из Москвы. Комитет действовал как и лагерная администрация, т.е. в полном соответствии с положением "гулага", продовольствие на кухню выписывали строго по установленной норме, вещь-довольствие также, торговля в ларьке по обычному порядку, выручка продавцом сдавалась инкасатору ежедневно. Не было ни одного случая, что бы кто-нибудь позволил что-либо взять из продуктов или вещь-довольствия с базы и каптерок, т.е. ни какого разгрома или кражи не было. Было предупреждено Комитетом, что за это будет строгое наказание. Сан-часть работала нормально. Внутренняя дисциплина поддерживалась и ни какого беспорядка внутри зоны среди самих заключенных не было. Во всех отношениях был полный установившийся порядок, т.е. лагерь под управлением Комитета превратился в какую-то "Республику". Лагерь не был лишен ни электроэнергии, ни воды за весь период эти хозяйства работали нормально. При наличии электро-энергии, нашлись люди, которые могли устроить радиопередачи и установить связь с США. Кроме того, писалось много листовок, которые на парах пускались на жаркий город. В городе наблюдалась некоторая паника. Там думали, что заключенными выйдут из лагеря и нападут на город. Всякой попытке администрации лагеря проникнуть в лагерь давался отпор. Боясь серьезных последствий были вызваны войска, которые оценили лагерь и в том порядке охраняли его, в таком напряженном положении прошло более 40 дней и наконец начальство решило сломить сопротивление заключенных. С этой целью были вызваны танки, и под упор они своей тяжестью проломали стены в большом количестве вошли в зону. В это время та часть заключенных, которая была на улице, пыталась спастись в барак, а танки подходили к баракам и стреляли холостыми выстрелами в окна барачников, началась давка и паника, а в это время танки кружась около барачников давили гусеницами людей. Одновременно с танками в зону вошли и солдаты, открывшие огонь из автоматов. Люди, метаясь по зоне попадали и под танки, и под автоматный огонь, сбившись в кучу в одном углу зоны. Около заборов было расстреляно из автоматов более 300 человек, которые и были закопаны тут же.

Много погибло под танками. Были случаи, когда женщины, чтобы защитить мужчин бросались на них, загораясь их собой, гибли от пуль автоматов. Даже были случаи, когда их и кололи штыками. В общей сложности погибло более 700 человек / эту цифру я мог установить по отчетным документам, работая в плановой части /. К нашему прибытию еще были видны их следы происшедшего: изрешеченные пулями бараки и следы танковых разрушений. Среди погибших был один из моих знакомых еще с Устьвымлага Рак Семен / Западнй украинец /. По словам очевидцев он обнявшись с девушкой бросился под танк.

Последствием этих событий было то, что большую часть отправили по другим лагерям, часть в штрафные лагеря, а часть осталась, с которыми мы и встретились. Было заведено судебное дело, по которому привлекались часть членов комитета и часть заключенных. Был судебный процесс, по которому Кузнецов, как председатель получил 15 лет, а остальные разные сроки. Процесс не был политическим, а был представлен, как какой-то уголовный. Более всего невинно, по существу, пострадали Кузнецов и Шахновская, в частности Кузнецов, когда был председателем, т.е. в период происходивших событий, было получено решение о его реабилитации. Судебный процесс состоялся осенью 1955 года и мне известно решение только первой инстанции, каковы же были дальнейшие последствия этого дела мне не известно.

Х.

По переходе на 2-й л/п я с месяц ходил на работу на стройку в бригаде Комова, затем получил работу мастера, но она мне не удалась... Как-то у меня к ней не было желания и на ней я проработал не более месяца и ушел в бригаду, в которой все, кроме меня, были Западные украинцы, и в этой бригаде я с декабря 1954 года и до апреля 1955 года, т.е. до дня освобождения ходил на строительные работы. В ноябре обо мне было возбуждено ходатайство о досрочном освобождении, как выш от бывшего срок 2/3 и имел имевшем хорошие производственные показатели и отсутствие нарушений режима и участие в общественной жизни лагеря. Ходатайство это было возбуждено при настойчивых хлопотах бригадира Комова, а когда он освобождился все же в середине апреля состоялось заседание Джезказганского городского суда, который и вынес решение об моем условно-досрочном освобождении.

Работа и жизнь в период нахождения на 2-м л/п носила характер более обычный для лагеря. Режим был обычный, работа была исключительно на стройке обычно строительная, но для меня она была не изнурительная, но и не легкая, морально было уже легче: начались уже освобождения, у людей возросла надежда возврата на свободу. В лагере была хорошая

библиотека и я, как член агит-коллектива имел хороший в ней доступ. Ежедневно появлялось кино, при наличии некоторого денежного заработка можно было уже иметь хорошее дополнительное питание, так как работала торговля: столовая и магазин. Стали появляться докладчики с докладами, в которых уже намекались кое-какие явления "культы". Проводились собрания и вот на одном из них произошел такой разговор. Выступил начальник отделения и стал нам говорить, что мы заключенные поступаем очень не хорошо., когда в адрес офицеров или другой администрации лагеря, или охраны делали выкрики: "Берьевцы!", что мы не "Берьевцы", а наоборот, мы не считаем, что Берия хорошо и правильно поступил, и что такие выкрики не заслуженно нас оскорбляют. В ответ на его выступление взял слово я и заявил:, что мы, заключенные, допуская подобные выкрики, поступали действительно не правильно, у нас нет конкретных оснований обвинять Вас в том, что вы "Берьевцы". На самом деле Вы не являетесь ими, но мы допускаем выкрики только когда к нам проявляет отношение по "Берьевски", и что я лично считаю, что к нам с Вашей стороны нужно относиться законно, а нам в случае не законного отношения к нам, без оскорбительных эпитетов посредством жалоб искоренять методы "Берии", и, что это все верно, и так бы должно и быть. Но я хочу сказать, как было, а было это так: я семнадцать лет нахожусь в заключении и все это время не однажды в день слышал в свой адрес со стороны администрации лагеря и охраны выкрики: "у фашист!, да еще с дополнением "матери", а ведь я не был ни каким фашистом и не собирался им быть, наоборот, я ярый антифашист - коммунист и кто Вам дал такое право называть нас так и какое у Вас было к тому основание?.. Вы вот теперь испытав на себе такое, как Вы говорите, не заслуженное оскорбление, должны поверить, каково было мне и многим таким, как я, и я считаю, что и мы можем понять это, дело за Вами... В заключение выступления начальник закрик отделения признал, что мое выступление очень правильно и что за такое поведение администрации и охраны лагеря им будет жестоко наказываться. В результате, в дальнейшем как выкрики "Берьевцы", а также и "фашисты" прекратились.

Хорошо развивалась художественная самодеятельность, были хорошо подготовленные выступления, даже допексалась такая "крамольная вольность: как выступление нашего кружка на женском д/п, а женского на нашем.

XI.

Через две недели после суда, после разного рода мытарств с оформлением, я 28 апреля был выпущен из лагеря., с устным распоряжением, что я должен явиться в городскую Джезказганскую милицию в отдел спецпоселенцев и осильных. На руки мне ни чего не было дано и вот вечером

28 апреля я оказался за стенами лагеря без документов и всего другого необходимого, т.е., как говорят, на все четыре стороны, даже ночевать без документов можно только под открытым небом, и то в тех условиях не без риска. Я решил, что до 3-го мая я ни где пристроиться не смогу. Я устроился жить на хоз-дворе лагеря / за зоной / в пустой старой надстройке для автомашин.

Первого мая, через 18 лет, я смотрел Первомайскую демонстрацию, мне казалось все это, как сон, а не действительность, даже когда я сиди сидел за стол в столовой, или подходил к буфету и покупал кружку пива / которого я не пробовал тоже 18 лет / я оглядываясь по сторонам, боясь как-бы все это не было отнято у меня, т.е. я чувствовал себя как каим-то незаконно существующим человеком и сильно переживал.

На хоз-дворе 3-го мая приехал человек с "опытного поля" вербовать себе рабочих / там всегда были освобождающиеся /. Он был зав. этого хозяйства, и еще один освобождающийся Виноков, он был на свободе бухгалтером, родом был из Воронежской области, примерно одного со мной возраста, согласились поступить туда на работу. В этот же день я пошел в гор. милицию явиться к своему новому "хозяину". Там снова началось с заведения "дела", т.е. анкеты с вопросами о бабушке автобиография и так далее. Затем был выдан документ, справка / с пометкой / вместо паспорта и в ней дословно значилось, что я должен каждого первого и пятнадцатого числа месяца являться в Дзезказганское отделение милиции и что моя оседлость ограничивается гор. чертой Дзезказгана. Для учета и наблюдения за такими, как я был создан специальный отдел с соответствующим штатом сотрудников / не менее десяти, все они были офицерами /. Нас, таких как я было на учете этого отдела до 3000 человек, и каждое первое и пятнадцатое мы простаивали в длинных очередях, вдоль улицы города, привлекая любопытство прохожих.

ХП.

Опытное поле, на которое я поступил на работу, принадлежало цеху озеленения треста "Казмедьстрой". Оно находилось в шести километрах от города. Имело питомник по выращиванию молодых деревьев для озеленения города, цветник для его украшения и несколько гектар посева картофеля, овощей и бахчевых. Все это хозяйство было поливное. Оно занимало большую площадь, т.к. оно было в окружении мертвой пустыни на сотни верст, то оно представляло красивейший уголок, к тому же будучи на берегу не большой речки, по выходным дням оно привлекало много городской "знати", в особенности последние привлекали цветы.

Первые два месяца я работал на конке лопатой земли на цветнике,

на посадке и поливе овощей и бахчевых. Эта работа была очень тяжелой и изнурительной. Кроме того, немилосердно палящее солнце в течение целого дня - все это иногда было невыносимо. От не привычки к климату пыли и жары кожа на лице растрескалась. Сильно болела голова. Жара иногда достигала днем в тени $+40^{\circ}$, а ночью было холодно до такой степени, что нельзя было работать без ватной одежды.

Жил я совместно с Ванюковым в одной маленькой комнатке, в большом саманном бараке. Днем он до такой степени нагревался, что с вечера часов до двух ночи было настолько жарко, что все обитатели барака спали на полу, не имея на себе даже нижнего белья, столовой не было, питание готовили сами в бараке.

Работа, как правило сближает людей и соприкасаясь с рабочими и администрацией неизбежно вовлекаешься в беседы на всякие темы и через все это люди узнают друг о друге. Администрация / кроме начальника цеха / была из таких же как и я, и будучи хоть и с лопаткой в руке, я как-то резко выделялся из остальных рабочих и ~~этот~~ стал по своему интеллектуальному развитию и ряду суждений интересен для неё и что это меня близко сблизило с ней, и по окончании рабочего времени я уже находился только среди неё. И я даже чувствовал, как некоторым из них как-то неудобно было и назначать меня на эти работы. Но я все же не злоупотреблял этим. В особенности это относилось к агроному - цветоводу Марии Федоровне (фамилию не помню). Эта женщина отбыла восемь или 10-и летний срок и была также ссыльная. Она была женой "врага народа" только и была в этом виновата. Образование она имела высшее, была хорошим специалистом, честной, исполнительной, страстно любившей свое дело. Ко всему этому она была культурным и высокой души человеком.

Секретарем работала Тимофеева Екатерина Петровна, тоже ссыльная, отси-девшая 10 лет, в возрасте около 50 лет, ни когда не выходящая ~~в~~ замуж. Всю жизнь была учительницей, хорошо знакомая и вместе проживающая с Ульяновой Марией Ильиничной, совместно с ней принимавшая участие в общественной деятельности. Она была самым популярным и уважаемым человеком на опытном поле. По своему характеру и поведению это был подлинно "святой человек", т.е. человек за которым нельзя признать, что он совершил какой-либо плохой поступок в течении всей своей жизни. Она не была религиозным человеком, а наоборот, была очень прогрессивной и грамотной. Ни какой человеческий ум не может себе представить как и за что такой человек мог быть в заключении?.... Старшим бухгалтером цеха работал также ссыльный. Я уже не помню ни его фамилии, ни имени. Он был прекрасный человек, хороший товарищ, мы с ним были в хорошем отношении. При его содействии и Екатерины Петровны,

после двух месяцев работы в поле и штомнике, я был взят на работу нормировщиком / эту работу выполняла до меня Екатерина Петровна /. Работая нормировщиком я имел возможность написать письмо в Ц.К. КПСС по существу моего ареста и заключения. Письмо это с большой скупой и вниманием печатала Е.Н. Тимофеева. Печатая, она иногда волновалась и даже чуть не плакала, возмущалась прошедшей несправедливостью, так как она искренне верила, что написанное в письме есть подлинная правда. Она даже сказала, что она глубоко уверена, что по этому письму нельзя не реабилитировать. В сентябре это письмо было направлено в ЦК КПСС

Через месяц моей работы нормировщиком, с Ванькова была снята ссылка и я остался в комнате жить один, что несомненно мне стало тяжелее морально. К тому же в это время я получал письма от семьи, в которых Александра Михайловна высказывала пожелание ехать ко мне в ссылку. В этом она до известной степени была права, в том отношении, что для неё и всей семьи наше место было во всех отношениях гибельным, но в то же время, как я мог жить один?, отсидев 13 лет, выйдя на свободу, имея семью и в то же время без неё мне было очень тяжело....

Но несмотря на то, что уж я уже имел косильную работу, нормальную среду, в которой я жил и работал, я находился в очень тяжелом положении, порой доходящего до полного отчаяния, т.е. не зная как ответить правильно и что сделать чтобы изменить свой образ жизни. В это время Рапопорта А.Л. из лагеря Джезказган рудник перевели в лагерь г. Джезказгана / Кенгир /, он узнав, что я нахожусь на опытном поле в одно из воскресений / у него был пропуск / пришел ко мне и мы с ним как "свободные граждане" провели время, т.е. за бутылкой хорошего вина^е. Он устроился на работу в Джезказганское отделение "Гипроцветмета" / Государственный институт по проектированию цветной промышленности /. В рабочие дни в период его рабочего времени мы стали встречаться часто, так как я имел возможность в любое время прийти в город, это немного рассеяло мое тяжелое состояние.

XII.

В августе начальник цеха решил установить должность нормировщика как штатную постоянную единицу и послал меня на оформление в отдел кадров треста, но т.к. в наше время отделы кадров являются одним из проявлений ни кому не нужных ведомств, порожденных культом личности и являющихся одним из ярких проявлений допотопного бюрократизма, не оформил меня нормировщиком только потому, что я после пережитой трагедии дни 13 лет заключения не могу представить им документа об образовании, хотя в ходатайстве начальника цеха говорилось, что хорошо знающий это дело и вполне справляюсь с данной работой.

После этого я решил покинуть цех озеленения, хотя начальник цеха меня и не отпускал. Я решил найти работу в городе и по рекомендации девушки, работавшей у нас счетоводом, а через неё с рядом других лиц, я познакомился со старшим товароведом "Медьпродснаб" Губайдулиным Анатолием Григорьевичем и по его рекомендации я поступил на работу в "Медьпродснаб" товароведом в торговый отдел. Работа в торговом отделе проходила нормально. Моей работе содействовал Анатолий Григорьевич, он был очень сильный, хорошо знающий торговое дело, работоспособный, инстинктивный, прекраснейший человек. Зарплату я получал 550 рублей в месяц, т.к. на жизнь хватало. В торговом отделе я проработал четыре месяца, но т.к. я был товароведом сверх установленного штата, а формально значился рабочим, то при первом же посещении инспектора ГОРГО, мне из торгового отдела пришлось уйти работать на промтоварную базу на должность товаротборщика. Зав. базой была женщина, абсолютно не разбирающаяся в торговле и товарах, малограмотная. Я ни как не мог понять как она взялась, как её назначили и меня когда нельзя было держать в торговом отделе. Начальник ОРСа, посылая меня на базу говорил мне: что она одна ни чего не может делать и что ей нужен знающий и надежный человек. По-существу, в период моей работы, вся работа базы выполнялась мной. Как мне после было известно, после моего ухода через не-большой период времени эта зав. базой попала под суд. Мне предлагалось со стороны администрации "Медьпромснаба" более ответственные и большие должности, но я не соглашался только потому, что при случае снятия ссылки, при большой нужде в кадрах ответственной работы не уйдешь, а мне ни как не хотелось жить в Дзезказгане, и хотелось к семье, которую я не видел 18 лет. Мои выводы и оценка обстановки оправдались. В мае многим ссылкой, в том числе и мне было объявлено о снятии ссылки. Но такое мероприятие еще не решило окончательно моей дальнейшей жизни, т.к. у меня за плечами была судимость, т.е. "вина" и плюс пять лет лишения. И это такое положение было у всех, которых освобождали от ссылки, и среди нас господствовало настроение не уезжать, из-за страха перед тем, кто как плохо нас таких принимали на работу и очень плохо вообще смотрели в стране, за исключением таких гиблых мест, как Дзезказган. К тому же некоторые, уезжая при освобождении и в следствии этого возвращались обратно. Я все же решил ехать, хотя большинство все-таки оставалось.

По возбужденному мною делу началось движение к этому времени. Я получил ряд извещений от Ивановского и Костромского обкомов, прокуратуры Костромской области и РСФСР. Последняя сообщила, что его дело направлено в прокуратуру СССР, что до известной степени, увеличили мою надежду. С огромной радостью в 9 часов утра 20 мая 1956 года я сел в вагон, на котором было написано "Дзезказган-Москва".....

Трудно описать эту радость и мои волнения и все переживания, которые вызвало это событие... Ведь я ехал к семье, от которой 18 лет назад я безо всякой вины жестокой силой произвола и без закона был отнят и которая так хорошо сложившаяся из жены и трёх детей была безжалостно и жестоко растоптана и поругана!... Ведь мое возвращение к ней должно послужить радостью и утешением в её трагическом горе. В сотнях проведенных в слезах дней и ночей, в её полуголодном и холодном существовании в течении этих 18-и лет. А ведь на это время сколько было моментов при которых я уже считал, что её я больше не увижу — и вот я в вагоне на пути к этому долгожданному дню и счастью для себя и для неё!!!...

Наибольшее переживание и впечатление вызвало у меня предстоящая встреча с детьми, ведь я их оставил тогда, когда Нине было 6 лет и теперь 24, Игорю один год, а теперь 19. Ведь они выросли без меня... Как отнесутся ко всему происшедшему? — ведь они взрослые... Как дальше сложится жизнь и так далее...

К утру 26 мая МОСКВА — Казанский вокзал, Ярославский, а затем Загорск — все знакомые и давно не виданные места. Сколько жизни волнения, радости и воспоминаний и наконец я благополучно днем 26 мая прибыл в Переславль.

XIV.

Трудно на бумаге передать ту радость, волнения и переживания, которые испытывал я и моя семья в момент нашей встречи. Не нужно представлять и может это сделать каждый, кто прочтет о ней.

Глубоко, всем своим человеческим существом, поставив на мое место, на место человека отбывшего в заключении 18 лет и вернувшегося в свою любимую семью, которая за весь период разлуки всеми мыслями своими и жизнью своей составляла единое и целое независимо от расстояния нас разделяющего. Первое время жизни в семье как-то странно выглядела, в особенности в поведении Нины: она как-то не умела из себя вести как дочь в моем присутствии, что иногда вызывало не большие недоразумения, впоследствии все наладилось и встало на свое место. Началась морока с пропиской. Началось с того, что я должен находиться под негласным надзором милиции, т.е. опять с заведения "дела", т.е. анкеты, автобиографии — все то же, что и у осмынного, только с паспортом и без обязанности явки, что имело и последствия в очередную избирательную кампанию, я попал в списки лишенных избирательных прав.

Имея извещение из Прокуратуры СССР, что по моему делу внесен протест на Пленум Верховного Суда СССР я начал ждать хорошего результата, а поэтому не спешил с поступлением на работу, да и семья хотела,

чтобы я отдохнул. В течение трех месяцев я не работал, в это время в основном, занимался сбором справок о своей прежней работе. В сентябре я временно пошел на работу счетоводом в загот-контору Райпотребсоюза а в начале ноября я получил известие, что Постановлением Пленума Верховного суда СССР — я реабилитирован. Так окончилось расследование моей жалобы длившееся в течении двух лет. Этим Постановлением было официально и по существу признана моя полная невиновность. Но как можно понять и действительно ни каким понятием не поддается такое обстоятельство, что в стране, где у власти Коммунистическая партия и Советская власть невиновность, арестованного была установлена только через 18 лет нахождения его в заключении...

В конце ноября я поехал в Кострому в Облпотребсоюз с требованием представления мне старой работы, там мне рекомендовали поехать в Кадый, куда я и поехал. Там сделав все необходимое с документами я договорился о принятии должности зав. торговым отделом Райпотребсоюза.

В Кадые я встретился с рядом моих бывших работников; в частности Горлановым И.А., Третьяковым Ник.Алек., Некрасовым С.П., Зайцевым С.В. и другими, даже пофером Чистяковым В. и старой квартирной хозяйкой Марией Четвертной. Всеми ими я был хорошо принят. Было много воспоминаний, а в особенности удивлений, что я жив и так долго находился в заключении. В конце декабря я был вызван на заседание Ярославской парт.комиссии на рассмотрение дела о моей партийной принадлежности. Парт.комиссия единогласно приняла решение восстановить меня членом КПСС, с зачетом времени нахождения в заключении в партийный стаж. На другой день решение парт.комиссии было внесено на заседание бюро обкома, на котором я присутствовал. На бюро председатель парт.комиссии т. Кузнецов в течении 30 минут подробно доложил членам бюро о ходе проверки моего дела Прокуратурой СССР, а также и о том, что говорилось в Постановлении Пленума Верховного Совета СССР, т.е. им было рассказано как возникло это дело, ни чем не обоснованное дело и, что оно явно провокационно, что следствие проводилось методами не позволенными в Советской действительности и, что ни какого материала, подтверждающего виновность всех, кого судили — нет. Парт. комиссия произвела проверку правильности исключения меня из КПСС и установила, что я исключен только в связи с арестом, что ни каких других антипартийных поступков с моей стороны нет. По делу реабилитированы все: из них Смирнов и Уни-вер посмертно, остальные не известно где, а я присутствую на заседании. Ко мне со стороны присутствовавших ни каких вопросов не было, ни какого обсуждения тоже не было, т.е. ни "за" ни "против" ни кто не выступил. Постановление парт.комиссии было утверждено единогласно и 17 января 1957 года я в Переславском Райкоме получил парт-билет — этим фактом вторично было подтверждено, не только гражданская, но и партийная моя невиновность.

Так мне было вернуто то, что я 29 августа 1937 года так яростно защищал / вплоть до драки / в период моего ареста, т.е. мой парт-билет. Мне была вернута должность, трудовой стаж и партийный стаж. Выдана двух месячная зарплата, но не было вернуто: то безчеловечное, гнусное и подлое глумление, которому подвергалась моя жизнь, дети в течение 18-и лет и смерть дочери Зои, которая явилась результатом этого глумления. То жестокое и не справедливое ни на чем не обоснованное, истребительное и физическое издевательство и всякого рода утонченнейшее глумление надо мной, как человеком в течении 18-и лет, которые отняли у меня самый творческий и работоспособный возраст от 35 до 53 лет, который тоже ни кто не сможет вернуть. Так что же в итоге мне вернули?

ХУ.

В конце января я получил телеграмму из Гадяи о вьезде на работу, но в это время я уже дал согласие на работу председателем Хмельниковского сельпо в системе Пересляского Райпотребсоюза. Это была моя первая работа после 18-и летнего перерыва.

На заседании Правления Хмельниковского сельпо я был избран на должность председателя без единого возражения. К работе я приступил с большим желанием и энтузиазмом, состояние работы стало улучшаться, а в конце февраля были произведены перевыборы правления и на них я вновь был избран в правление его председателем. Тут я на квартире в селе Усолье в частном домике занимал уголок один. Семья по-прежнему оставалась в Переславле. Работа получилась и шла вполне нормально удовлетворительно, товарооборот выполнялся и возрастал. Рабочие торф-предприятий были в основном довольны, т.к. все зависимое от нас в отношении их снабжения выполнялось.

В начале работы у меня установилась переписка с А.Солженициным. Он в это время работал на "Торфпродукте" Владимирской области. В конце марта ко мне заехал Рапопорт А.Я. он освободился, немного поработал после освобождения и покинул Дзезказган, и погостив у меня две недели, он поехал в Москву и там поступил на работу в "Котласбумстрой" - Коряжму.

Кое-кто из работников районных организаций г. Переславля и района еще не отказался от понятий порожденных периодом "Культа" личности и смотрели на таких, как я, как на действительно виновных, а возвращение рассматривали, как простое явление, т.е. как отсидевшие и кое-кто из них допускал по отношению ко мне такие выражения "зря доверили, ведь знали, что он сидел", или "смотрите мы ведь Вам доверили" - это вроде как особая милость, все это меня страшно нервировало и я морально считал

переживал, в этой обстановке, к тому же произошел такой эпизод: в Райком была написана анонимка, что я как был "контрреволюционер", так и остался им, что допускаю всякого рода антипартийные и антисоветские высказывания, что я плохо отношусь к работникам конторы, занимаюсь бытовым разложением. Эта писанина проверялась парткомом торфпредприятия и обсуждалась на его заседании. Но т.к. содержание её не подтвердилось она формально последствий не имела, но на моем моральном состоянии отразилось и мне Хмельниковское сельпо после этого стало как-то не мило и у меня появилось желание переменить место работы.

В июне Нина вышла замуж, но этим молодоженам сразу нигде было жить и они поселились в нашем дровяном сарае, и получилась как-бы еще семья, т.е. у нас стало три семьи, т.е. полная не устроенная жизнь. В это время Александра Михайловна вышла на пенсию и стала уже дома, т.е. стала свободной от работы. Проходила переписка с устроившемся в Коряжме Рапопортом, причем в своих письмах он начал приглашать меня к себе в Коряжму. Председатель Райпотребсоюза Казарин, который пригласил меня на работу, меня хорошо понимал, ценил и уважал, но он к этому времени перешел на другую работу и выехал из Переславля. Служебная обстановка тоже изменилась не в мою пользу.

Вся сложившаяся обстановка и все выше перечисленные причины, да и сама по себе работа по своему незначительному объему меня не устраивала, к тому же и плохо оплачивалась. Все это вместе взятое привело к необходимости найти другую работу. Написав Рапопорту о своем желании перейти на другую работу, я в конце августа получил официальное приглашение на работу в трест "Котласбумстрой" в отдел рабочего снабжения. Первого сентября я получил расчет в сельпо и 8-го выехал в Коряжму.

XVI.

Поселок Коряжма находится на берегу реки Вычегда в 40 километрах от г. Котласа. К моему приезду уже началось строительство Котласского целлюлозно-бумажного комбината, т.е. Коряжма представляла из себя большую новостройку. Строился не только комбинат, но и новый город на 25000 жителей со всеми необходимыми культурно-бытовыми учреждениями.

На другой день моего приезда я был принят управляющим Треста Сафьяном М.Б. и назначен на должность начальника торгового отдела ОРСа с предупреждением, что это на месяц, чтобы я присмотрелся, а в дальнейшем принял должность начальника ОРСа / с этим ^{сч} расчетом я и приглашался в Коряжму /.

В момент моего вступления в должность зав. торговым отделом, начальником ОРСа был Мецерыков Александр Петрович, работавший в ОРСе старшим бухгалтером. Работавший начальник ОРСа Шотин Алек. Николаевич с 1 сентября формально значился в отпуске, но в то же время было решено, что он больше работать не будет, а поэтому Мецерыков А.П. значился формально временно / до моего приезда отработал только десять дней / с расчетом, что его кто-то должен заменить /имелось ввиду, что я /.

Такая обстановка и замыслы многих работников ОРСа мне как новому человеку, были не известны и по поведению многих не понятны. Сразу я не знал даже, что Мецерыкову очень хотелось быть начальником ОРСа и, что он много постарался, чтобы начальника ОРСа снять и у него в ОРСе и в тресте были кое-кто за него, часть была за старого начальника, таким образом, я как будущий начальник был лишним как для первых, так и для вторых. Такая обстановка сильно осложнила начало моей работы, к тому же до меня некоторое время не было совсем начальника торгового отдела, был один товаровед Пантелеева Ида, но как я приступил к работе она три недели не выходила по болезни и я в начале работы был представлен сам себе и мне не знавшему совсем и Коряжмы и ОРСа и обстановки, было очень тяжело и к работе я подходил робкими шагами, да и Мецерыков, будучи не заинтересованным в моей работе не только содействовал моему быстрейшему освоению работы, но наоборот, он как мог осторожно мешал мне, а эту обстановку создал Сафьян, не утвердив Мецерыкова сразу постоянно начальником, а имел ввиду меня, но сразу не назначив. В момент вступления в должность ОРСа находился в очень плохом состоянии: в магазинах и базах находилось на десятки тысяч испорченных товаров, много было всякой завали и на промтоварной базе склады и магазины были совершенно не приспособленными, хлеба не хватало из-за плохой мощности хлебо-пекарни. Кадры были очень плохие и их вообще не хватало. Изучив хорошо обстановку я пришел к выводу, что если бы такое состояние было где-либо в другой торговой организации, то все это привело бы руководителей к судебной ответственности, а тут все сходило с рук. Я заподозрил, что тут что-то не так. К тому же в этой обстановке выправить торговлю я считал не возможно еще и потому, что Мецерыков на торговлю смотрел с бухгалтерской точки зрения. Торговлю он вообще знал плохо, ОРСа ни какой самостоятельности не имел, т.к. во всякую мелочь совался Сафьян, абсолютно не разбираясь в торговле, допуская своим вмешательством только путаницу и неразбериху, требуя чтобы его указания выполнялись безоговорочно. Он принимал или вызывал любого работника ОРСа помимо начальника или меня и давал ему любое распоряжение, в то же время решительных и конкретных мер к улучшению торгово-складской сети не принималось. В кадрах ни какой помощи не оказывалось, постоянно не хватало автотранспорта и грузчиков, что создавало постоянные перебои в разгрузке

вагонов и в завозе товаров по магазинам. Учитывая все это я 27 сентября 1958 года, т.е. через две недели работы подал заявление об уходе с работы. Сафьян всячески меня уговаривал и я остался. Затем в ноябре порезав Александру Михайловну, пороботав не-много заболел воспалением легких, проболев с месяц и выйдя на работу в конце декабря я как-то втиснулся по-немногу в работу, т.к. зимой работать стало немного легче. Летом в августе работа снова осложнилась. Ни как не могли наладиться нормальные взаимоотношения с Мещеряковым, которые уже стали к этому времени выливаться в серьезные стычки по ряду вопросов, имеющих серьезное значение. Он пытался кое-что свалить на меня добился рассмотрения вопроса на парткоме, но не смотря на довольно шумное заседание, я не был ни как наказан, решил большинство членов парткома. После такого открытого столкновения с Мещеряковым, мы совместно работать уже не могли, и я решил с данной работы уйти. 28 июля я подал заявление об отпуске, мне было отказано. 12 августа я снова подал такое заявление и мне опять было отказано. Тогда я 18 августа подал заявление об уходе с работы, а 21-го был приказ о моем освобождении.

ХУП.

По окончании сдачи дел я из Карлямы выехал для не большого отдыха и 5-го сентября я приехал в Переславль, а 7-го выехал в Литву к Игорю. По пути в Москве я 7-го и 8-го ^{встретился} сначала с Сером Ю.А. у него на квартире, 7-го утром, где за завтраком много вспоминали. Он уже в это время работал в институте кино. Днем я встретился с Талалаевым А.И. на квартире у его родителей, где я пробыл до 9-го сентября, т.е. ночевал. Там также было много всякого рода воспоминаний. Я ему напомнил о нашем разговоре в Экибастусе о том, что будет с нами, т.е. о том, что мы встретимся в Москве и вот факт, что у него будет "Вовка" — это тоже уже был факт. Присутствовавшая при этом его мамаша даже вскрикнула от удивления, как я это все мог узнать, добавил добавив, что не будь я коммунистом, я настоящий библейский пророк. Семья Талалаева А.И. как и он сам, а также папа, мама и супруга — это ячейка прекраснейших, обаятельных, культурных, высоко гуманных русских людей и проведенное время, хоть и одни сутки среди них оставили у меня прекрасное не-забываемое впечатление. Из Москвы я поехал в Литву навестить Игоря, пробыв там пять дней я вернулся в Переславль, а 19-го сентября я вернулся в Карляму и через несколько дней был вызван Сафьяном, который, упрекая меня в том, что я разъезжал ниу работу, а не обращаюсь к нему.

После этого разговора я был назначен на работу на строительный участок, называемый "Подземстрой" в производственно-технический отдел на должность инженера и 16 октября я приступил к работе. Условия для работы в Подземстрое были хорошие, коллектив административного и технического персонала жил и работал дружно, организованно, хорошо, между ними существовала здоровая товарищеская обстановка. Я был принят всеми хорошо, отношение ко мне всех было товарищеское, но я как-то чувствовал себя беспокойно, не имея технического образования. Я тяготился должностью "инженера", хотя возложенную на меня работу по линии ПТО я выполнял. Только однажды не смог выполнить поручение главного инженера снять копии с чертежей. Он конечно не проявил большого недовольства и поручил эту работу другому работнику. После этого я еще больше как-то начал тяготиться своей работой, к тому же не было и большой нагрузки.

Я внезапно был вызван Сафьяном и к великому удивлению мне была предложена должность директора строящегося и вновь открываемого ~~Мага~~ "Универмага". Мне не особенно хотелось опять работать в ОРСа, т.к. там был начальником все тот-же Мецержков. Но не смотря на то, что в Подземстрое работать было спокойно, но уходить все равно было бы нужно и еще в связи с некоторой реорганизацией на стройке.

Я, прежде чем принять Универмаг почтавил условия с некоторой независимости от ОРСа, самостоятельный баланс, т.е. полный хоз-расчет, права заместителя начальника ОРСа и чтобы он, Сафьян, не вмешивался в оперативную работу Универмага. Сафьян со всем этим согласился и был издан такой приказ. И я с 6-го января 1959 года стал директором Универмага, сам же Сафьян вплоть до дня открытия ни разу не был в Универмаге / сдержал свое слово / тогда, как до этого он туда ходил каждый день и давал каждый раз другие указания по одному и тому же вопросу. Я был уже третьим директором еще не работающего универсама. Первым был назначен Душечкин, вторым Хлопова Е.В., от которой я и принимал. Три недели подготовки к открытию были тяжелыми, работать приходилось чуть ли не круглые сутки. Было еще не окончено строительство / шла покраска и другие недоделки /. Нужно было ликвидировать шесть магазинов и принять их в состав универсама, была только половина продавцов, не было много инвентаря. Не смотря на это, я работал с увлечением, охотно, мне ни кто не мешал. Я имел полную самостоятельность, и на удивление Сафьяна и Мецержкова я подготовил открытие универсама к 21-му съезду КПСС, т.е. к 25 января.

К моменту открытия универсама имел продавцов 26 человек в одну смену, а всего работников универсама было 48 человек.

Кун.

Открытие Универмага прошло очень хорошо, все начальство было довольное, к тому кое-кто из начальства был из Архангельска, довольно было и население. Прошедший 1950 год в работе Универмага был хорошим, ни каких плохих случаев не произошло, за исключением одного эпизода. В начале открытия мои заместителем была Плюснина Лидия, кончившая торговый техникум товарно-водческое отделение, до того работавшая в ОПСе. Она вполне соответствовала своей должности и с работой хорошо справлялась, но в марте месяце Сафьян предложил её уволить, а заместителем взять работавшую в Универмаге продавцом детской одежды одну женщину / фамилии не помню /, звать Алевтина, она была женой одного инженера, и у них в их семейной жизни встал такой вопрос: она ни как не хотела быть домашней хозяйкой, а он ни как не хотел, чтобы она был продавец и предложил Сафьяну "ультиматум", чтобы ей дали "ответственную" работу, т.е. соответственно её рангу, т.к. такая работа не достойна его / он был старым человеком, со старомодными взглядами и очень ученый, долго живший за границей / и, что в случае, если такая работа не найдется, он не будет работать в тресте, а он был очень нужный человек, и чтобы его удержать надо было ей дать "ответственную" работу, но т.к. она ни какой специальности не имела, была малограмотная и ни к какой "ответственной" работе не пригодна, то вот её Сафьян и предложил взять мне в заместители. Я категорически возражал, даже говоря, что она мне только будет мешать, что она пусть сидит дома, и ей можно выписывать зарплату, если так нужно, но ей не нужно было денег, а нужна работа. К тому же я говорил, что увольнять хорошо подготовленную и хорошо работающую Плюснину глупо. Не дав согласия я ушел, но не смотря на это она была назначена. С работой у неё сразу не стало получаться, к тому же её неспособность к этой должности знали все работники Универмага и, что она пришла к этой работе через несправедливое увольнение Плюсниной, сильно возмущало работников магазина и они высказывали открыто свое недовольство, и возмущение — она не смогла все это выдержать, поняла, что она не на месте и через три месяца своей работы она ушла и они с мужем уехали из Карьяжи.

После её ухода моим заместителем поступила Корневская Надежда Даниловна, с 4-го сентября я получил отпуск и уехал.

В период отпуска с 10 по 15 сентября я находился в гостях у Солженицина А.И. в г. Рязани, где он уже поселился на постоянно, и уже работал преподавателем в десятилетке. Это была наша первая личная встреча после его освобождения из лагеря, т.е. через пять лет нашей разлуки. Время, проведенное мною в его семье было очень приятным и интересным, было много всякого рода воспоминаний, бесед и

и его желание заняться литературной деятельностью и вообще о перспективах нашей дальнейшей дружбы и взаимных встреч. В эту встречу мы уже выглядели совсем уже по-иному по сравнению с Экибастусом, были полностью людьми, а не померами.

В эту же поездку я навещал Артемьева В.З. того самого, с которым я совместно работал в Переславском Райисполкоме, с ним я не виделся с 1937 года, т.е. 22 года. Он работал во Владимирском Облсполкомом главным арбитром. В 1938 году он был председателем Ивановского Горсовета и будучи на этой же должности он был арестован как "контр-революционер", просидел под следствием два с половиной года, без предъявления какого-либо обвинения. Он был освобожден, затем был в армии от начала до конца войны, после демобилизации без перерыва работал на этой работе. Наша встреча была очень интересной: ведь во первых прошло 22 года и кроме того, он в 1937 году был прокурором города Иванова а затем уже и председателем Горсовета. Он хорошо был осведомлен о моем аресте, делал попытку помочь мне, выражал открыто свое мнение, что я арестован несправедливо, что он меня хорошо знает, все это привело к тому, что от него требовали в областных организациях изменить точку зрения, на этом он стоял на своем. Во время следствия, когда он был арестован, а я уже осужден, ему суждение о неверности моего ареста вбили в голову. Он обещал мне даже при моем желании поинтересоваться Север подобрать работу. Я будучи хорошо и тепло принят как им, так и его женой, приятно провел время в кругу этой семьи.

После хорошего и оведенного отпуска я вернулся в Каркину на свою работу. Работой и результатом работы 1959 года начальство было довольны, план товарооборота был перевыполнен. За 11 месяцев работы товарооборот выполнен на 20 млн. рублей / в старом исчислении/, было хорошее накопление / прибыль /. Второй год работы, т.е. 1960 год коллектив Универмага начал с хорошим настроением и дружно, ни каких осложнений с аппаратом или начальством не было. Работа в 1960 году протекала нормально. Семейная жизнь сложилась несколько иначе. Александре Михайловне в марте пришлось выехать в Переславль, где необходимо было вести хлопоты по получению квартиры в связи с тем, что старая квартира расширялась и реконструировалась. В этих хлопотах у неё прошло время до 15 сентября, т.е. до моего приезда в отпуск. На второй день моего приезда было переселение в новую квартиру, это на улицу Новая д.55 кв.4.

На время моего отпуска за меня оставалась Кореневская И.Д. В момент моего отъезда в отпуск в Каркину в ОРС приехал начальник УРСа Совнархоза Устименко и я с ним случайно встретился в день отъезда, был не совсем одет по моде, не побрит, к тому же не сказал ему подобострастных слов,

высказал очень резкое суждение о работе ОРСа и в следствии этого он составил обо мне плохое личное мнение, и которое по глупости своей /он был человек очень ограниченный и теславиный/ высказал в слух в присутствии Корневской, та тоже будучи человеком еще более ограниченным и с большим желанием /хоть не имея к этому способностей/ стать директором Универмага решила, что мне уже конец как директору, раз такая "высокая особа" не довольна мной, собрала собрание коллектива и очень грубо раскритиковала меня в присутствии этого Устименки. По возвращении из отпуска большинство работников универмага стали говорить мне, что я вроде не буду работать директором. Я был очень удивлен такому обороту дела, и установил откуда и как это получилось. Я прежде всего пошел в ОРС, там не было такого настроения и я потребовал, что бы были собраны работники универмага и им было бы рассказано, что подобное настроение и разговор выдуман и, что о моем снятии с работы не может быть и речи, это все на собрании заявил зам. начальника Поморцев, после этого Корневская стала очень плохо себя чувствовать и от меня ей была отповедь с таким выводом, что если я не буду директором, то после всего этого она им тоже не будет, а без таких подлых домогательств, это могло бы быть при моем уходе на пенсию.

В связи с такой созданной вокруг меня обстановки появились еще желающие на мое место и я прийдя к Сафьяну и зная все это, книжки завел с ним об этом обо всем разговор, он мне ответил, что он мне даст хорошую работу в другом месте, я тут понял, кто еще хочет на мое место, и из принципа, заявил, что я не хочу уходить. Он ответил: "как хочешь". На этом данный вопрос был закончен. Как пошатут дальнейшие события, не отказавшись допустил большую не поправимую ошибку, которая очень тяжело отразилась на всей моей дальнейшей жизни. В основном работа универмага в 1960 году протекала нормально. Год был окончен также с хорошими показателями по всем результатам. Оборот был сделан 2312 тыс.руб. / в новом исчислении /, т.е. больше чем в 1959 г. при наличии того же штата.

С начала 1961 года начальником ОРСа был вместо Мещерякова Пospelов, который ни какого представления о торговле не имел, был до этого председателем Райисполкома. При его руководстве резко изменились взаимоотношения ОРСа с Универмагом. Он не понимал значения хозрасчетного магазина, не считался с правами директора, этим воспользовались в торговом отделе и вообще в аппарате ОРСа, что отрицательно отразилось на всей дальнейшей работе Универмага.

XIX.

В работу на 1961 год, это третий год работы, работники Универмага вступили также дружно и с желанием, но обстановка в работе

несколько осложнилась, в связи с изменением руководства ОРСа и ослаблением внимания со стороны Сафьяна и изменением понятий о работе Универмага как в ОРСе, а также и в Тресте. В июне месяце Кордиевская была в отпуске, по окончании её отпуска я сделал предложение в ОРСе дать ей другую работу, а на её место назначить Мулину Л.И. старшего бухгалтера Универмага, что и было сделано. И когда я со второй половины июля до второй половины августа находился в отпуске, меня уже замечала Мулина. Мулина Л.И. была более подготовлена к данной должности. Она кончила торговый техникум и к тому же уже работала в сельхоз. торговом отделе, и потом два года с половиной старшим бухгалтером Универмага. Не смотря на её не уживчиво-гордо-самонадеянный характер с ней работать стало легче и лучше. Работа в 1961 году осложнилась еще больше: за мое отсутствие была отобрана ОРСом закрепленная за универмагом автомашина, что сильно отразилось на завозе товара. Со стороны руководства ОРСа и его торгового отдела, а также со стороны всего аппарата резко изменились отношения к независимости ихоз. расчетности Универмага. По-существу она в конце 1961 г. была сведена на нет. Кроме того, помещение Универмага стало резко приходить к упадку, требовался хороший ремонт. Сначала его мне Сафьян обещал, после чего он должен был чисто промтоварный / чего я усиленно добивался / и в 1961 году стало ясно, что оно делаться не будет.

В связи со всем этим обострились отношения с ОРСом и, что это все вместе взятое, понизило у меня заинтересованность в работе. Не смотря на все: уже более неблагоприятную обстановку в работе Универмага 1961 год также был закончен с хорошими показателями - оборот был сделан 2570 тыс.руб. / в новом исчислении / В такой обстановке начался 1962 год, в начале которого была обнаружена ошибка в бухгалтерском отчете и оприходованием одной почтовой посылки с ручными часами, которая повлекла за собой проверку отчетности за 1961 год. В ходе этой проверки попутно было выявлено и ряд грубых нарушений правил учета в документах и отчетах, которые обрабатывала и составляла бухгалтер Пугач Надя. Бухгалтер Пугач Н. до этого работала в Универмаге кладовщиком по промтоварам, в период этой работы поступил исполнительный лист на большую сумму, из чего было установлено, что она была ранее осуждена за содействие в краже её брата, имела срок наказания, отсидела сколько-то лет, но не более пяти, освободилась. При приеме на работу ни из каких документов установить было невозможно. С получением исполнительного листа её с должности кладовщика пришлось освободить, во время передачи, у неё оказалась недостача до 2000 руб. / в старом исчислении / По совету старшего бухгалтера Мулиной Л.И. её взяли на предметный учет, с расчетом удержать недостачу, т.к. при её исполнительном листе получить с неё было невозможно.

По внешнему облику, её жизни, её поведению, суждениям она не внушала никакого-либо подозрения о её склонности к какому-либо серьезному преступлению, а одно то, что она когда то была судима, по-существу, было недостаточно, чтобы ей как человеку не доверять. В процессе практической работы в бухгалтерии она оказалась исполнительницей и могущей вести бухгалтерскую работу, в следствие этого ей стали доверять больше, чем предметный учет, обработку отчетов продавцов и кладовщиков а также и выводить результаты по этим отчетам.

В результате проверки натолкнулись на не-правильное оприходование некоторых промтоваров в пром.товарную кладовую и когда я потребовал у Пугач основания, то она показала мне в деле копию накладной написанную её рукой, это было вечером в четыре часа 28 марта, я заявил, что завтра утром я лично совместно с бухгалтерами сверю её с подлинником в ОРСе и если эта копия не соответствует оригиналу, то она будет наказана вплоть до передачи дела прокурору. После этого разговора в пять часов я ушел на обще-трестовское партийное собрание, с которого вернулся в квартиру между двенадцатью и часом ночи, но я не успел лечь в постель, как раздался тревожный стук в дверь, это стучала Искреневская Н.Д. и войдя в квартиру она сказала, что горит в Универмаге. Такое сообщение до того испугало меня, что я сделался человеком, который как-бы не живой, но ходит, т.е. не управлял самим собой. Как то представил весь ужас и последствия случившегося, ведь это угрожало пожаром целой улицы деревянных домов и столовой, т.к. Универмаг был огромным двух этажным деревянным зданием, в окружении этих деревянных домов. По пути от квартиры до Универмага, я не увидел того страшного пожара, которого я ожидал, это меня немного успокоило. Подойдя к Универмагу я увидел, что горит в конторе и уже в ликвидации пожара усиленно работают пожарные команды. В следствии своевременно принятым мерам огонь не распространился дальше конторы и частично соседнего с ней мясного магазина. Из товаров не было ни какой потери, погибло только кое-что из инвентаря и спец.одежды, хранящейся в конторе и пострадало помещение конторы и мясного магазина, которым был необходим капитальный ремонт. Основным и главным вопросом в этой трагедии это установить, что же было причиной пожара, кто и когда его устроил?— этого точно /т.е. абсолютно доказано/ установлено не было. Установлено одно предположение, которое можно только определять по догадкам или предполагать из последовавших за этой катастрофой событий. События эти развивались как это и полагается при данных обстоятельствах: была назначена ревизия всех отделов и кладовых и кроме того, документальная ревизия, начиная с момента организации Универмага, но т.к. документы частично сгорели, то её начали с 1960 года.

XX.

В ходе ревизии было установлено, что продавец Смирнова Т. начиная с декабря 1960 года имела недостачи, но они нигде не показывались, отчетность и результат ревизии у Смирновой оформляла бухгалтер Пугач Н. Таким образом за период с декабря 1960 года по день пожара у Смирновой оказалась недостача 6000 рублей. На следствии Смирнова признала эту сумму и заявила, что ей скрывать недостачу помогала Пугач Н.Ф. с которой она делилась растроченной суммой. Кроме того, на следствии было установлено, что Смирновой дана взятка 50 рублей одному ревизору ОРСа и выявлена недостача у продавца Копач, отчет которой также был исправлен Пугач Н. В отношении возникновения пожара было предъявлено обвинение Пугач Н. и Смирновой Т.К.: они вечером в 10 часов ходили в Универмаг и контору через кладовую, под предлогом взять оставленную Смирновой в пром-товарной кладовой поллитра вина, чтобы кого-то угостить, уговорив кладовщицу Макаровскую С. отпереть им кладовую. Предъявленное обвинение им в поджоге мотивировалось тем, что они якобы пытались посредством поджога скрыть следы своего преступления по растрате. Они в этом не признались, и уличить их не смогли. Так причина возникновения пожара точно, т.е. юридически не установленной, по общественному понятию и существу дела осталась за Пугач и Смирновой. Все эти события не могли пройти мимо меня как директора. Мне много пришлось пережить морально, не говоря уже о двух неделях проведенных почти без сна, и в невероятных нервных напряжениях по ликвидации последствий неприятного события.

Начальство же в начале очевидно решило нет-ли моего прямого участия в этом деле, но прямо об этом не заявило, а избрало путь перестраховки и по мотивам как-бы "жадности" с моей стороны, решило меня уволить, не смотря на то, что у меня оставалось три месяца до выхода на пенсию по возрасту. В конце апреля я получил полный расчет, с выплатой мне за две недели выходного пособия, т.к. в приказе по увольнению была ссылка на пункт "В" ст. 47 КЗОТа, т.е. как лицо не имеющее достаточной квалификации по выполняемой работе / какой абсурд /, после трех лет хорошей работы. Но начальству очевидно не чего было еще придумать и уволить оно торопилось до результата ревизии под настроением "как бы что не вышло".

После расчета 17 мая я выехал к Игорю в Капсукас, где и находился до 16 июня. Было решено по его желанию, что он выхлопочет двухкомнатную квартиру и мы с матерью переезжаем жить в Капсукас к нему. Из Капсукаса 17 июня я приехал в Переславль к Нише, куда и приехала Александра Михайловна и мы прожили в Переславле до 26 июня, после чего

вернулись в Коряжму. Первого августа был отпразднован мой шестидесятилетний юбилей, на котором присутствовало до 20 человек работников Универмага, которые очень хорошо и душевно проводили меня на пенсию, не обошлось без кое-каких памятных подарков. Празднование моего юбилея и проводы на пенсию проходили в нашей квартире в в форме семейного вечера, время проведено было весело. С августа я стал пенсионером, получающим пенсию по возрасту в сумме 70 рублей в месяц.

Жизнь моя началась как пенсионера, т.е. хождение в лес, на реку и вообще ничего не делание, т.е. хождение по Коряжме.

По окончании ревизии на алось следствие по происшедшему ~~УБ~~ поджогу магазина и растраты Смирновой. В акте ревизии были допущены формулировки по ряду цифр расходов, как расходы не законные или непроизводительные, а также было указано на недостаточность ревизий. На основании акта ревизии Сафьян написал письмо о привлечении и ответственности и меня, я был допрошен следователем прокуратуры. В процессе допроса мне было предъявлено пять причин, по которым я обвинялся. На все эти вопросы я дал исчерпывающие пояснения. К суду я все же не привлекался. Прокуратура не нашла достаточных оснований для этого и постановление прокурора было передано низовой парт. организации для привлечения к партийной ответственности. На общем парт. собрании мне был объявлен простой выговор без занесения в учетную карточку. В декабре состоялся суд, на котором был вынесен приговор, по которому приговаривались Пугач И. к 10-и годам, а Смирнова к 4-м годам, а в отношении меня и Мулиной Л.И. было вынесено частное определение, возбудить против нас отдельное судебное дело. Архангельский областной суд этот приговор отменил, дело рассматривалось уже осенью 1963 года и Пугач И. была приговорена к 15 годам, а Смирнова к 10-и годам, в отношении меня и Мулиной ни чего сказано не было. На этом и закончилось это неприятное для меня дело.

В январе Ал. Мих. уехала в Переславль и я в Коряжме остался один. В это время Мулины, жившие с нами в одной квартире выехали и в нашу квартиру вместе их вселилось две семьи, что уже изменило обстановку в квартирных условиях в худшую сторону. В феврале я получил телеграмму от Игоря, что ему предоставлена двух комнатная квартира, не проверив, что она из себя представляет, я собрался со всем домашним имуществом и выехал из Коряжмы окончательно 27 февраля 1963 года. Вопрос выезда из Коряжмы в Литву не был все же хорошо продуман и как оказалось в последствии он не дал нам с Алек. Мих. того, что было нужно на старости пенсионерам — это немного покоя и отдыха. Оставить Коряжму было тоже необходимо, т.к. в связи с создавшейся обстановкой вокруг этого неприятного универмаговского дела жить там было очень тяжело, т.е. оно как-то неизбежно отражалось на моральном

состоянии, а значит и на их спокойном отдыхе. По дороге в Литву я заехал в Переславль, прожив там с неделю, мы вместе с Александрой Михайловной въехали в Литву в г. Капсукас к своему новому месту жительства и таким образом с 6-го марта 1965 года мы стали жителями Литвы.

— " —

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1.

Ко времени нашего приезда в Литву квартира была не готова и в течении десяти дней, т.е. до 16 марта мы жили временно на прежней квартире Игоря совместно с другими двумя офицерами.

Новая квартира в Капсукасе, в которую мы въехали была из двух комнат, но очень не удобной, старой и холодной, позади улицы с огнями в глухой двор. В ней не было ни теплой уборной / нужно было ходить далеко во двор /, ни воды / ходили на колодец /, отопление печное и после Корятемской квартиры, мы трудно привыкали и очень переживали, в особенности Александра Михайловна.

Поряд нашим приездом за несколько дней Игорь выписался из госпиталя, где находился месяц, после чего он по заключению мед-комиссии не мог служить в десантных войсках, а в связи с этим сразу стало ясно что его из Капсукаса переведут в другое место, и нам снова придется переезжать.

Квартирные условия, болезнь Игоря, все это вместе взятое создали для нас с А.М. тяжелые переживания и раскаянья о приезде в Литву. В начале июля Игорь снова попал в госпиталь на лечение, пробив там месяц и по выписке получил заключение мед-комиссии о не пригодности к ~~интеркавалу~~ строевой службе, после чего стало ясно, что он неизбежно будет переведен в другое место. Нам, не смотря ни на какие условия жизни, нужно было ехать, так как от того куда он будет переведен зависело и наше место жительства. В силу таких обстоятельств в Капсукасе у нас создались ~~не надежные, не устойчивые~~ условия жизни, что отразилось и на её нормальном состоянии, т.е. находясь все время в ожидании переезда мы не имели возможности лучше её устроить во всех отношениях. В таком состоянии мы прожили с момента приезда в Литву и до отъезда в Черняховск, т.е. до 3-го февраля 1965 года / т.е. 2 года /.

Внешние условия в Капсукасе были не плохие. Город был не большой / районный /, очень чистый, с множеством фруктовых садов, декоративных деревьев / сирень, каштан, акации и др. / и цветов.

Через город протекала река Мешуне, в которой водилось много рыбы, был не далеко от города леса, изобилующие грибами, т.е. вся окружающая город природа была очень хорошей. Через город проходили три больших авто-магистралей и кроме того было много хороших автомобильных дорог, в район часто во все направления ходили автобусы, город был на железной дороге. Очень хорошо была поставлена торговля в магазинах и на рынке. Все виды продуктов и пром. товаров можно было купить без всяких затруднений и в любом количестве. Было два кино-театра, районный дом культуры, библиотека, т.е. все необходимые культурные учреждения.

Моя личная жизнь проходила очень скучно, из-за не знания литовского языка, я не мог работать или даже заниматься общественной работой все время проходило: на реке, в лесу или на охоте, домашнем хозяйстве и чтении. Общее состояние жизни в Литве для меня и Александры Мих. было устроено только с материальной стороны, а во всех других отношениях как-то: плохо устроенная квартира, постоянное ожидание переезда / в связи с переводом Игоря /, переживание из-за болезни Игоря и его не устроенности служебного положения, некоторых других неприятностей, связанных с совместной жизнью с Игорем и отсутствие какой-либо трудовой и общественной деятельности, создавали тяжелую моральную обстановку.

Списавшись с Рапопортом А.Л. я 14 января 1965 года выехал в Ленинград, где он находился в командировке из Братска /где он работал/ в Ленинграде совместно с ним я находился до 19 января. Ленинград произвел на меня очень хорошее и сильное впечатление / в нем я был первый раз /: его дома, улицы и само его расположение, за время нахождения в нем я посетил: Эрмитаж - 2 раза, Русский художественный музей, Исаакиевский и Рождественский соборы, а также был в драм. театре "Ленинского комсомола", в обществе Арнольда Львовича и его знакомых инженеров - время в Ленинграде прошло хорошо и приятно.

II.

В мае 1964 года Игорь был переведен на службу в г. Советск в строительные войска / Калининградская область/. Все попытки получить квартиру в Советске ни к чему не привели, а жить врозь с нами ему было очень трудно, а ездить в Калсукас в связи с тем, что не было прямого сообщения, было неудобно и долго. Выходом из создавшегося положения было наше согласие получить квартиру в г. Черняховске / Калининградской области /, это несколько приближало нас друг к другу и кроме того мы оказались в городе с русским населением.

Квартира в Черняховске была хорошо устроена во вновь отстроенном 60-и квартирном доме. Он состояла из двух комнат / хотя одна была

проходная /, имела центральное отопление, газовая плита, ванная комната, подвал, холодная и горячая вода, теплый туалет и канализация. Вся квартира состояла из трех комнат / но кухня была на 2-е семьи /. В одной комнате жил одинокий не-семейный человек, работавший также вне Черняховска и очень редко, навещавший квартиру, то практически в квартире жили мы одни / т.е. одна наша семья /.

В эту квартиру мы переселились 3-го февраля 1965 года. Переезд из Калсукаса не вызвал больших трудностей, так как расстояние до Черняховска было не большое и между ними было прямое автомобильное движение и мы переезжали со всем домашним имуществом на автомашине.

Жизнь в Черняховске в первые дни сложилась хорошо, в совокупности все её стороны так создались, что мы считали, что ни где и ни когда мы не сможем жить так спокойно хорошо во всех отношениях.

Все наши надежды сразу были разрушены свалившимся на нас жестким несчастьем, это болезнь Александры Михайловны. Жалуясь на боль при глотании пищи, она 13 февраля обратилась к врачу, где ей был произведен рентгеновский снимок пищевода, из которого было ясно, что она больна раком пищевода. Она была направлена в Калининградскую онкологическую больницу, где было окончательно установлено, что у неё рак пищевода, в начале поразивший желудок и в последствии распространившийся на пищевод. Жалобы на болезнь желудка уже были частыми за долго до установления болезни. Кроме того она заметно худела / таяла, как ей говорили /. Все мои попытки направить её к врачу, не имели успеха, а на замечание " о таянии," она находила всяческие отговорки общего характера.

В Калининграде главный хирург больницы, в часной беседе со мной заявил мне, что её спасти уже не возможно, что она очень истощена, болезнь застарелая, вследствие позднего обращения к врачу и, что она проживет не более 2-3-х месяцев.

Такой конкретный не-отвратимый приговор, что жизнь Александры Михайловны неизбежно окончена для меня был настолько тяжелым, что я его сравнивая со своим смертным приговором, воспринял значительно тяжелее, ведь он был ни чем не-отвратим и неизбежен. Тяжесть его заключалась еще и в том: первое, это то, что в данное время изо всей нашей жизни, она так хорошо сложилась, и второе, что на нас, в особенности на меня снова обрушилось тяжелое несчастье и именно в тот период, когда жизнь так хорошо сложилась...

Мое тяжелое состояние увеличивалось еще и тем, что я, зная о неизбежной смерти Алек. Мих. должен скрывать это от неё и еще не только тем, что не говорить ей, а главным поведением своим не давать ей повода, т.е. быть "веселым" при таком тяжелом горе. Такое двойственное

мое состояние тяжело отразилось на моем здоровье, т.е. сильно разрушилась моя нервная система и нужно было много мужества и выдержки, чтобы пережить это состояние.

Так смерть Александры Михайловны в течение ближайших 2-3х месяцев была неизбежна и, то, что в Черняховске, мы прожили только две недели, не имея ни кого близких и знакомых А.М., что не давало возможности создать соответствующую обстановку при её похоронах, да и хоронить её в дали от тех мест, где прошла вся её жизнь / т.е. от Родины / я не хотел, вернее выполняя её желания, быть похороненной на Родине, я 19 февраля поехал с ней в Переславль.

При приезде в Переславль я был вынужден сказать Нине правду, чтобы привез мать сюда умирать. Такое сообщение было огромной трагедией и тяжелым потрясением для неё. Болезнь А.М. протекала страшно-мучительно, т.к. постепенно она стала употреблять все меньше пищи, а к 1-му апреля она полностью перестала принимать не только пищу, но и воду. Кроме того само течение болезни / рак / причинял ей сильные мучения / жгло внутри организма / и жар - как она жаловалась. Единственное средство, которым мы лечили / не в исцелении / это только наркотики / разными способами / только для того, чтобы облегчить ей страдания. Так в безнадежном состоянии и сильных мучениях протекала её болезнь в течение двух месяцев. В страшных агониях и мучениях она в 6 часов утром 18 апреля 1965 года - СКОНЧАЛАСЬ.....

В течение всей её болезни, т.е. 2 месяца я неотлучно находился при ней, наблюдая все её мучения и, что было тяжело, я понимал, что чем-либо помочь ей я был бессилен - Как не выносимо тяжело когда человек окажется в таком положении. На моих глазах уходила подруга моей 38-и летней совместной жизни, у которой не было другой цели в своей жизни, как только любой ценой, и что было в её силах и возможностях сделать все для меня и наших детей.

Нет такого измерителя, которым можно бы было измерить глубину и силу той высокой бескорыстной и сильной любви, которую она отдавала мне и нашим детям. Я до последней минуты её жизни ощущал глубокую и теплую заботу - любовь и нежную ласку.

Она была высоко-моральным во всех отношениях человеком, пользовалась большим уважением всех людей знавших её, как по работе, а также в жизни и быту.

Если верить, что на свете существуют безгрешные ангелы, то её можно бы было сравнивать только с ними, т.е. она была чиста душой и телом. Нельзя не преклониться перед её мужественным переживанием того тяжелого удара, который обрушился на неё, когда я был незаконно

арестован и приговорен к расстрелу. Нельзя не преклоняться перед её мужеством, честностью, огромным терпением, глубокой верой в справедливость, преданностью той глубокой любви ко мне и нашим детям в течение 18-и лет нашей разлуки.

Кроме тяжелых переживаний, связанных с потерей меня, тяжелых материальных лишений, она должна была переживать абсолютно не заслуженное моральное унижение, которое распространялось и на детей, что еще больше отягчало её такое состояние, унижение в котором она не была виновата, да и к тому же она понимала, что я не виноват, ведь как додневное напоминание ей, что она разделяла жизнь ^а "врагом русского народа", будучи сама кровь от крови и плоть от плоти русским человеком, создавало еще более и без того не выносимое тяжелое состояние.

Наблюдая, как постепенно изо дня в день не отвратно уходила её жизнь, я понимал, что я теряю самое драгоценное для меня в моей жизни. Конечно, я понимал и то, что нет силы на земле могущей предотвратить этот конец и ^{на доли} ~~всегда~~ пытаюсь сохранить долю мужества, как это подобает человеку, ~~Иногда~~ тяжелых дум и переживаний брала верх и вся эта трагическая и тяжелая обстановка не прошла ~~без~~ следно для меня как в области физического состояния а также и душевного равновесия.

Смерть А.М. произошла в воскресенье и ^{весь это} быстро распространилась по городу Переславлю и сразу же в нашей квартире стали появляться целыми группами люди, высказывая и сожаления о случившемся и так продолжалось целый день.

В ночь с 18 на 19 собрались родственники, были произведены необходимые приготовления и 20-го числа в 2 часа дня гроб с телом Александры Михайловны на руках близких и знакомых под траурные мелодии духового оркестра в сопровождении большого числа людей совершал свой путь к месту, от куда никогда не бывает возврата, в царство вечного покоя — могилу.....